

Акулина Вольских

Деревня
Нюркин луг,
или тайна печатной машинки

Акулина Вольских

Деревня Нюркин луг, или Тайна печатной машинки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67311549

SelfPub; 2022

Аннотация

Что будет, если в руки любопытной девушки попадёт старинная печатная машинка? Ничего особенного. А если эта машинка волшебная? Привычная серая жизнь сменяется новой реальностью. Женька переносится в другой мир, где на первый взгляд всё кажется обычным. Но так ли это? В попытках найти путь домой девушка знакомится с дружелюбными и болтливыми жителями Нюркиного луга. Может, она и не против остаться, если бы не страшное предсказание старухи. Таинственный волшебный мир закручивает её в вихре приключений. Каждый следующий шаг ещё сильнее осложняет возвращение. Сумеет ли Женька выбраться, не потеряв новых друзей и обрётённую здесь любовь?

Содержание

Глава 1. «Увлечения»	4
Глава 2. «Галлюцинации»	13
Глава 3. «На новом месте»	22
Глава 4. «Кому велено мурлыкать...»	29
Глава 5. «Союзники»	41
Глава 6. «Кукушки»	48
Глава 7. «Гнилой угол»	61
Глава 8. «Побег»	73
Глава 9. «Одуванчики»	81
Глава 10. «Хижина в лесу»	91
Глава 11. «Себастьян»	100
Глава 12. «Выгодная сделка»	112
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Акулина Вольских

Деревня Нюркин луг, или Тайна печатной машинки

Глава 1. «Увлечения»

Тёмный, длинный, широкий коридор, освещённый единственной желтоватой лампой в самом своём начале. Ни души. Ни единого человека не попало мне на пути. Вокруг стоит почти звенящая тишина, но она нисколько не пугает. Скорее, наоборот.

Я иду по этому коридору молча, оповещая гулками шагами своё присутствие, и чувствую себя странником. Или волшебником. Курчавые на концах волосы напоминают шляпу с широкими полями. Халат – мантию, а штатив для капельницы – путеводный посох. В моей обычной жизни мне не хватает времени, азарта и ещё чего-то, чтобы пуститься в странствия. Зато в своих мечтах я уже перебивала во всех точках мира. И не только реального.

Наполненная мечтами о магических мирах, я подошла к двери, разделяющей наше отделение на две части. Потянулась к ручке.

– Ты не пройдёшь! – раздался за моей спиной громоглас-

ный голос.

– Гэндальф? – с притворным удивлением обернулась я.

Позади меня стоял наш местный охранник Геннадий. Худой и сгорбленный мужчина предпенсионного возраста с незатухающим амбре дешёвого портвейна. Разумеется, он не понял моего фэнтезийного юмора и махнул рукой на дверь.

– Не пройдёшь, говорю. Ручку заклинило. Надо через второй этаж идти.

– Ничто не укроется от взора всевидящего ока, – я театральнo воздела руки к небу и, сдерживая смех, быстро покинула коридор. Геннадий подозрительно проводил меня взглядом. Пожалуй, лучше приберечь такие шутки для тех, кто в теме. А-то из травматологии недолго перебраться в психиатрию и далеко не медсестрой. Пока же придется топать в обход всего отделения.

Ах да, совсем забыла представиться. Меня зовут Евгения Максимова. Мне двадцать четыре года. Я живу в спальном районе города N., в двухкомнатной квартире со своей мамой. Живу самой обычной жизнью, что и миллионы людей. Утром ухожу на работу, после смены возвращаюсь домой. Потом все повторяется.

Я работаю медсестрой в городской больнице в отделении травматологии. Капельницы, биксы, перевязки – мои лучшие подруги последние несколько лет. Работать приходится много, часто выручать коллег, делая и их работу тоже. Чем некоторые из них и пользуются самым бесстыжим обра-

зом. Как, например, Юлька. Та норовит почти каждый вечер улизнуть на свидание и радостно хихикать в компании очередного ухажёра, тогда как мне светит разве что общество постовой сестры. Но такая перспектива радует мало.

Смена закончилась, и я привычно ехала домой. Туда, где меня ждала мама. Ну как, ждала. Она не часто выныривала в реальный мир из пучины вдохновения. Нет, у меня хорошая мама. Просто очень увлечённая. Все житейское ей даётся сложно и не особо цепляет. Зато в мире фантазий ей равных нет. Хоть мне они и кажутся странными. Слегка.

Вот так проходят мои дни. Тянутся один за одним в спешке и сумасшедшем ритме с маршрутом дом-работа и обратно. Я бы, наверно, окончательно погрязла в этом дне сурка, если бы не два моих увлечения.

Первое – это фэнтези. До дрожи люблю погружаться в эти волшебные миры, полные фантастических существ, магии, сказки. Одно время даже подумывала удариться в реконструкцию, но не определилась с ролью и задвинула это дело в долгий ящик.

Второе моё увлечение вполне себе реальное. Реальное, но такое же недостижимое, как и мир магии. Я говорю о своём тренере. Да, я купила абонемент в спортзал с услугами индивидуального тренера и настояла, чтобы это был именно Андрей. Обошлось мне это в кругленькую сумму, но зато теперь предмет моего обожания дважды в неделю нарушал границы моего личного пространства.

Природа наградила меня оптимизмом, обделив при этом в выдающихся внешних данных. Высокая, субтильная, без выступающих частей тела. С курносом носом и волосами, которые от влажности становятся похожими на каракулевую шапку. Ещё и на носу очки.

– Мда, до королевы красоты мне так же далеко, как Геннадию до статного эльфа Легаласа.

Выход остаётся только один. Буду завоёвывать сердце своего атлетичного принца спортивным рвением. Прекрасно, что именно сегодня у меня выходной, и не придётся откладывать осуществление плана. Гордо выпятив грудь вперёд, я захлопнула шкафчик в раздевалке и шагнула в зал так, как будто уже выиграла всё золото на Олимпиаде.

– Привет, – улыбнулся Андрей, а мои ноги чуть не подкоились от этой его улыбки.

Идеально ровные, белые зубы, чистая, загорелая кожа, рельефные мышцы, кошачья мягкость в голосе вперемешку с мужественной хрипотцой... А этот взгляд... Ооо, он сражает наповал. Бьёт беспощадно, точно в цель, поражает с одного удара. Гипнотизирует, влечёт, запутывает в свои сети. Паук, вот он кто. И я сейчас, как муха, выпучила глаза и ловлю каждое слово, иногда потирая лапки.

– Давай на дорожку? Как обычно? – спросил своим очаровательным голосом мужчина моей мечты.

– Угу, – только и пикнула я, вскарабкиваясь на тренажёр. Андрей нажал кнопки на консоли, запустил механизм.

Лента начала двигаться.

– Разминайся, я подойду позже.

Он встал чуть в стороне, рядом с администратором, и периодически бросал на меня взгляды. В эти моменты я старалась выглядеть как можно бодрее, что было сложно, учитывая, что я и спорт изначально существовали параллельно, лишь изредка пересекаясь.

– Ладно, иду на риск, – сказала я и протянула руку к бутылке с водой. В рекламных роликах это выглядит привлекательно. Чем я хуже? Я почти успела открыть крышку и даже умудрилась привлечь внимание Андрея, как в двери зала вошла Олеся, сотрудница с первого этажа. Умела бы порчу наводить, на ней бы с удовольствием попрактиковалась. Та еще лярва.

Глядя на то, как Андрей переключается на девушку, я со злостью замахнулась, чтобы поставить бутылку в подстаканник, но не попала... Вместо этого нажала на кнопку увеличения скорости и чуть не свалилась, отъезжая назад.

– Мамочки, – тихо под нос скулила я, бежала изо всех сил, пытаясь дотянуться руками до ручек, чтобы выключить этого металлического убийцу.

Я махнула рукой Андрею, чтобы он меня заметил. Он заметил. И помахал в ответ. Тогда я указала пальцами в сторону консоли. А он поднял вверх большой палец и отвернулся к Олеся. Ну супер! А мне теперь что делать?!

Дальше и вовсе началось какое-то издевательство. Ан-

дрей всецело был поглощён беседой с кралей, а я медленно умираю от перегрузки.

Музыка в колонках иронично сменилась. После зажига- тельного аккордеона, вступление бессменного хита Лепри- консов продолжил дуэт тромбона и трубы. В этот момент я поняла, что и мне тоже труба. Прямо здесь. На этом трена- жёре. Меня ждет четыре минуты кардио ада, которые я ещё не факт, что выведу. Я еле слышно заскулила, глядя в весё- лое лицо своего тренера, и начинала тихо ненавидеть всех вокруг. Краю, Андрея, даже администратора Эдика, кото- рый был вообще ни при чём.

«Хали-гали», «Паратрупер», – вопил из динамиков Илья Митько, перечисляя аттракционы в Минском парке Челюс- кинцев. Я сейчас себя ощущала, как пассажир этих самых аттракционов, который отстал от поезда и пытается его до- гнать. Несколько раз подавала сигнал тренеру, но он упорно меня игнорировал.

– И это у вас называется индивидуальный подход?!

Зло зыркнула на этих двоих. Краля мотнула головой, за- зывая куда-то мою мечту... И он пошёл. От шока я подвер- нула ногу и свалилась с ленты на пол, больно ударившись за- тылком.

– Мать мою волшебницу! – я с досадой потирала голову. – Как больно-то!

– Эй, ты чего разлеглась? – сказал Андрей, приближаясь издалека. – Команды «стоп» не было.

– Пресс качаю, – соврала я.

– Тут?

– Ага. Всё занято было.

Он обвёл взглядом полупустой зал, хмыкнул и позвал меня продолжать тренировку, хоть с гудящим от падения затылком это было и нелегко.

До дома я доползла чудом. Сил идти не было. Даже, грешным делом, промелькнула мысль доплатить водителю маршрутки, чтобы он довёз меня до подъезда. Но потом я решила, что неловких ситуаций на сегодня мне хватит.

У подъезда маячила знакомая рыжая макушка. Я вытащила из ушей наушники, где как будто желая меня добить, играла песня «Камнем по голове» группы Король и Шут.

– Кирилл, прости. Я совсем забыла, что заказала доставку на сегодня, – обратилась я к парню, но он отмахнулся.

– Не страшно, держи, – Кирилл протянул мне очередной номер журнала о фэнтэзи и улыбнулся. – Я звонил, но никто не открыл.

– Ох, мама, наверно, снова ушла с головой в творчество. Спасибо, ты только что спас мой день.

– Да брось. Не мог же я оставить тебя без любимого журнала.

Он снова улыбнулся, и его торчащие уши почему-то стали розовее.

– Ладно, мне пора. Ещё два адреса. Увидимся.

– Ага.

Кирилл сел на велосипед и быстро скрылся за поворотом. Моё настроение немного улучшилось. Всё-таки день испорчен не окончательно.

Мама, как и ожидалось, витала в своём мире и даже не заметила, что я пришла. Я наспех поужинала, приняла душ и, намотав на голову полотенце и накинув махровый халат, ушла к себе в комнату с чашкой.

– А это ещё что за агрегат?!

На моём столе вальяжно разместилась пишущая машинка марки «Ундервуд». Ясно, мама снова заходила в антикварную лавку. Интерес победил возмущение и, помедлив пару секунд, я уселась за стол. Чашку поставила рядом, поправила очки и с видом бывшего писака закатала рукава и сняла с головы полотенце.

– Ну-с, приступим, – пошевелила пальцами и вставила лист бумаги в устройство.

И вот тут ступор. Хочется написать, а что?

– Что-что... Имя автора, конечно! «Ев-ге-ни»...

Буква «я» залипла и ни в какую не хотела появляться на бумаге.

– Ну нет, не на ту напала... «я», «я». Вот упёртая. «Я», «я»... Уууу, какая! Ну почему всё не может быть так, как хочу «Я», – сильнее ударила я по клавише, конечно, расплескав горячий чай по столу и коленям и громко взыв. – Аааууу!

Нужная буква появилась на листе, а от машинки отвалилась какая-то деталь.

– Не-не-не, отсюда никто не сбежит! Все дороги перекрыты!

Я полезла доставать укатившуюся железяку и на обратном пути, с разворота, с гулким звоном пустой головы, треснулась затылком о деревянную столешницу.

– Мать мою волшебницу! Второй раз по тому же месту!

Зажмурив от боли глаза, я вылезла из-под стола, встала на ноги, растёрла ушибленный череп и, всё так же с закрытыми глазами плюхнулась на стул. А стул уже и не стул вовсе. Подо мной что-то зашевелилось и как завизжит! Я от страха открыла глаза и завизжала сама, да похлеще. Я сидела не на стуле. Я сидела посреди какого-то деревенского двора. В махровом халате. На толстой розовой свинье.

Тут же вскочив на ноги, впала в ступор. Только и произнесла вслух:

– Где это я очутилась?

Хряк перестал визжать, посмотрел на меня и ответил:

– Чего орать-то так?! Это хутор Нюркин луг.

И в этот момент я провалилась в темноту...

Глава 2. «Галлюцинации»

Затылок ломило. Я была как будто в каком-то тёмном мире, из которого никак не могла выбраться. Вдруг ощутила дуновение тёплого ветерка на своём лице, тонкие пряди волос пощекотали щёки. Глаза открыть я всё ещё не могла, но из глухой темноты, наконец, смутно начала различать голоса.

– Может за подол? – спросил чей-то грубый голос. Кажется, мужской. Хотя, возможно, и женский.

– Нет, давай лучше в бок толкнем, – ответил второй, потоньше, резко, но как будто нараспев.

Приложив усилие, я разомкнула губы и спросила тех, кто был рядом со мной:

– Что случилось? Где я?

Голоса замолчали. Потом тот, грубый, ворчливо ответил:

– Где-где. У козла на бороде.

– Эй, хряк! А копытом в пятак?

– А ты, рогатый не бузи! Моё-то копыто покрепче будет.

– Да из твоего только холодец варить. Нажористый выйдет.

– А сам-то! Оглобля!

– Ты кого оглоблей назвал, рыло поросячье?!

Вся эта словесная перепалка даже в угнетённом сознании казалась мне странной. Собрав в кулак последние силы, я открыла глаза и в ту же секунду об этом пожалела.

По обе стороны от меня стояли козёл с длиннющей бородой и толстый розовый хряк. Это всё было настолько за гранью, что единственно верным решением было признать, что это сон, закрыть глаза и снова попытаться уснуть. Но голоса продолжили спор.

Я вновь открыла веки и молча, с до предела выпученными глазами смотрела на этих двоих. Галлюцинации. Всё просто. Я так сильно шандарахнулась головой, что теперь мерещится всякая дичь. Пока в моём мозгу укладывалась информация о плачевности этого состояния, хряк заметил меня, широко улыбнулся и наклонился вплотную к моему лицу.

Вам когда-нибудь улыбалась свинья? Нет? Считайте, что вам повезло. Меня бросило в дрожь при виде этих маленьких зубов, мокрого пяточка и крошечных блестящих глазок. Да даже у Ганнибала Лектора улыбка не такая жуткая.

– Аааааа! Уйдиинии! – завопила я, пихнула свинью и стала подниматься, путаясь в халате. – Я сплю! Или спятила! Аааааа!

Заметалась по двору в поисках выхода. Не найдя его, сиганула через забор, зацепилась халатом за деревянный столб и всем телом плюхнулась в корыто.

– А забор-то ломать обязательно? – раздался издалека блеющий голос.

– Да тише ты. Видишь, она не в себе. Надо осторожно.

Пока я перекидывала ноги из корыта на землю и пыталась встать, козёл подцепил рогами свороченный забор, поставил

на место. А хряк тем временем толкнул калитку и вышел ко мне.

– Борька! – громкий девчачий голос крикнул издалека. – Борька, паразит такой! А-ну, во двор!

Судя по испуганному выражению... лица? морды? рыла? хряка, ругались именно на него. Он прокряхтел что-то на порсячем и, опустив голову, снова толкнул калитку, возвращаясь к тому месту, где лежала я всего минуту назад.

– А ты?! – продолжал ругаться голос. – Опять забор сломал? Ну отец тебе задаст!

Козёл тут же поджал зад и убежал к хряку. Я обернулась, ожидая увидеть ещё что-то, что окончательно сведёт меня с ума. Но увидела девушку. Молодую и довольно симпатичную.

Рыжие искры её густых, чуть выющихся волнами волос рассыпались по плечам. Яркое вечернее солнце добавляло теплоты в образ и делало её ещё сильнее похожей на это небесное светило. Она была одета в белое хлопковое платье в пол, стянутое на талии тонким кожаным ремешком. Приподнимая подол рукой, чтобы удобнее было идти, девушка, подбежала ко мне.

– Эй, ты откуда здесь взялась? – спросила она и улыбнулась. Уголки губ приподнялись, а глаза лучились таким озорным светом, что не ответить на её улыбку я просто не смогла.

– Сама не знаю, – ответила я, робко подняв плечи.

– Заблудилась что ли?

Девушка подала мне руку, помогла встать на ноги и показала головой, оглядев мой промокший халат.

— Дарёна! — крикнула женщина вдалеке. Почти в таком же одеянии, что и рыжая девушка, и с такой же рыжей копной на голове. — Дарья! Стой, хулиганка!

— Бежим! — округлив глаза, девушка сорвалась с места и побежала, таща меня за руку за собой.

Не знаю, почему я побежала с ней. Наверно, от шока и непонимания происходящего, мне не хотелось упускать единственного человека, который мог бы мне хоть что-то объяснить.

Мы пробежали через дворы, распуская кур, гусей, перепрыгивая через грядки. У рыжеволосой это получалось делать так ловко, будто она несколько лет плотно занималась паркуром.

Мне приходилось сложнее. Одной рукой я крепко сжимала кисть девушки, другой придерживала полы халата, чтобы он не распахнулся полностью. И хоть обе мы бежали босиком, стопы рыжей явно были более подготовлены к такому испытанию, чем мои.

— Сюда! — обернулась она, высматривая погоню, и юркнула в узкую щель между деревянных построек.

Собрав на себя всю паутину, которая копилась там десятилетиями, я вылезла вслед за рыжей в чей-то двор. Она тут же потащила меня к сараю, заскочила внутрь и, дождавшись, когда я войду, закрыла дверь. Припала лицом к двери

и высматривала сквозь внушительных размеров щели то, что происходит снаружи.

– Тебя как звать-то? – спросила она, не отрываясь от наблюдения.

– Женя.

– А я – Дарёна.

– Приятно п...

– Тсс! – Дарёна прижала палец к губам, знаком показав на свой «глазок».

Я нашла ещё одну щель, посмотрела в неё и очень быстро увидела во дворе ту самую женщину, которая гналась за моей новой знакомой.

– Дарья! – позвала она строго. Остановилась, сложила руки на пояс и огляделась по сторонам. – Дарья, выходи немедленно. Хуже будет!

Постояв ещё немного, женщина ушла. А Дарёна выдохнула с облегчением:

– Фууух, не заметила...

– Кто это был? – спросила я девушку. Только сейчас до меня начало доходить, что она могла быть кем угодно, начиная от мелкого воришки и до кого-то более серьёзного.

– Мать моя, – ответила девушка с такой интонацией, словно мама её была воплощением Вселенского зла.

– А почему мы от неё бежали?

– Потому что она опять начинает свои уговоры! – Дарёна прислонилась спиной к деревянной двери и сложила руки на

груди, выражая возмущение. – Замуж мне видите ли надо. Да не надо мне туда! Не хочу! Мне и так хорошо. Приводят всяких... Только успевай отбиваться.

– Так и скажи им. Если не хочешь...

– Ага, думаешь я не говорила. А они всё на своем стоят. Пора, пора...

– И что? Всю жизнь по сараям прятаться?

– Нужно будет прятаться – буду прятаться. А замужа мне этого не надо. Пусть другие идут, – она снова посмотрела в щель между досками, приоткрыла дверь, обвела взглядом двор и махнула мне рукой. – Ушла. Идём.

– Куда?

– По объездной дороге к дому пойдем. Пока мать доберётся, остынет. А раньше лучше не соваться. Прибьёт.

– Ты... Прости, но я с тобой не могу... – извиняющимся голосом сказала я.

Дарья тут же сложила руки в молитвенном жесте.

– Нееет! Не бросай меня! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! С тобой она меня не тронет. А одна приду, так точно по ногам крапивой отходит.

– Мне домой надо...

– Успеешь домой, – не вняв моим словам, Дарёна потащила меня другим путём к объездной дороге. – Где живёшь-то?

– У ме...

– У мельницы что ль? Так тебе засветло уже и не добратся. Тем более, пойдем. Заночуешь у нас, места много. Роди-

тели не прогонят. А утром провожу тебя.

Она снова улыбнулась своими игривыми глазами и, сама не зная зачем, я шла за этим рыжим солнышком. Теперь мы уже не бежали, шли не спеша по пыльной просёлочной дороге, окружённой высокой травой по обеим сторонам.

В голове роился миллион вопросов. Но задавать их кому-либо я не спешила. Слишком странным казалось мне всё вокруг. Ещё, чего доброго, сочтут сумасшедшей. Надо сперва оглядеться и понять, с чем я имею дело.

Это место было самой обычной, на первый взгляд, деревней. Но внешний вид живущих в ней людей, характер построек, отсутствие асфальта и линий электропередач настораживали. Всё это больше напоминало село из старых советских сказок типа «Морозко».

И хоть многое здесь походило на древнюю Русь, национальных русских костюмов я не увидела. Ни косовороток, ни лаптей, ни расшитых сарафанов и кокошников. Одежда была как будто вне времени, простой, незамысловатой, преимущественно природных оттенков – белый, бежевый, серый, зелёный. Изредка попадались более яркие цвета. Большинство жителей ходили босиком и лишь часть из них носила кожаную обувь со шнурками, напоминающую теннисные тапки.

Дома очень походили на исконно русские избы. Те же бревенчатые срубы с двускатной крышей, только украшены были скромнее, чем терема, которые рисуют на страницах ска-

зок. Очевидно, минимализм – главный принцип местного архитектора.

Чуть позже нас обогнала телега на деревянных колесах, запряжённая бурой кобылой и доверху гружёная сеном. Дарёна перемолвилась о чем-то с возницей, поманила меня рукой, уже забираясь «на борт».

Я вскарабкалась и села рядом с ней. Иного выхода я попросту не видела. Куда идти и что делать, было не известно. Странное. Странное место. Либо оно мне снится, либо мерещится, либо я сошла с ума. Иначе как бы я могла в доли секунды перенестись из своей двушки в городе с многомиллионным населением на чей-то скотный двор? Или как там сказал хряк? Нюркин луг?

Хряк... Сказал... Ну не абсурд ли? Точно, абсурд. Чем больше я думала обо всём этом, тем сильнее начинала волноваться. Пыталась выстроить в голове план, порядок действий, но выходило у меня скверно. Тем больше начинала нарастать паника. Вокруг было спокойно, хорошо, приятно. Но внутри меня kloкотало такое беспокойство, что усидеть ровно на краю телеги стоило мне невероятных трудов. Мне хотелось плакать, кричать. От непонимания, растерянности, страха. От того, что я, взрослый человек, не могу объяснить самой себе, как попала в это странное место, да ещё так молниеносно. Ведь я всё ещё сидела в халате, который надела дома после душа, а мои волосы по-прежнему были влажными и пахли шампунем. Как такое возможно?!

Эти мысли только усугубляли нервное напряжение и совершенно не помогали. И хоть всё здесь было мне чужим и совершенно не понятным, я всё же осмелилась спросить Дарёну. Шепнула ей на ухо:

– Как называется это место?

Девушка удивлённо посмотрела на меня и засмеялась.

– Ты что, с дерева свалилась?! Нюркин луг, как же ещё-то?

Нюркин луг... То же самое сказала мне свинья... Я молча хлопала глазами, пытаюсь осознать. Но сделать это не удавалось...

Глава 3. «На новом месте»

Старик чуть потянул на себя вожжи. Кобыла фыркнула, остановилась, а вслед за ней и телега.

Дарёна ловко спрыгнула на дорогу, вновь поманила меня рукой.

– Слезай, приехали. Дальше пешком.

Почему-то эта девушка меня не пугала, несмотря на всю странность своего поведения. Поэтому, пойти с ней для меня показалось самым разумным решением. Всё лучше, чем ночевать в лесу. А другого варианта не предвиделось. На многие километры, куда только доставал взгляд, вокруг было поле и лес.

Солнце уже почти село. Жителей стало заметно меньше, чем было, когда мы с Дарёной убегали от её матери. Да, это и впрямь была обычная деревня. Хотя, что-то меня по-прежнему настораживало.

– Туда.

Рыжая свернула на перекрёстке направо и бодрым шагом приближалась к уже знакомому мне забору. А вот и корыто, в которое я нырнула всего пару часов назад. И хряк с козлом здесь же...

По спине пробежал холодок, когда в памяти вырисовывались моменты первой встречи с этими двумя. Ну не может же это быть правдой?! Звери не говорят. Разве что, в сказках.

Но я-то не в сказке. Не знаю где, но точно не в сказке. Вряд ли в этих народных поверьях так сильно бы пахло навозом.

Волей-неволей посматривала на животных. Свин водил пяточком по донышку деревянной лохани, выискивая там остатки еды и блаженно похрюкивая. Свинья, как свинья. Самая обычная... Козёл жевал сено и пытался задним копытом почесать свой живот. Тоже вполне себе обычный козёл. Ну разве могут они говорить, как мы?

– Беее, – проблеял рогатый, будто отвечая на мой вопрос.

– Ну точно, глюки, – буркнула я себе под нос, вслед за Дарёной входя в двери избы.

Внутреннее убранство дома было таким же аскетичным, как и внешний дизайн. Ничего лишнего. Стол, стулья, пара сундуков, скамья, печка. Наверно, по местным меркам, семья Дарёны была зажиточной. Я часто слышала с детства об избах-пятистенках. Эта же была существенно больше, и то помещение, которое можно было назвать гостиной, имело ещё несколько дверей в другие комнаты.

Над печкой, под потолком сушились связанные в пучки травы, наполняя дом приятным ароматом. Помимо этого, здесь пахло выпечкой, простоквашей или чем-то похожим на неё.

– Явилась, – всплеснула руками женщина, которая недавно за нами гналась. Она укоризненно покачала головой, глядя на дочь, потом перевела взгляд на меня, и её лицо смягчилось. – А ты кто такая, милая?

– Это – Женя, – ответила за меня рыжая, ухватилась под руку и подталкивала вглубь комнаты. – Моя подруга. Она живёт у мельницы. Вот на ужин к нам пришла.

– У мельницы?

– Угу, – соврала я.

– Киселёвых что ль? Далековато идти. Засветло не успеешь, – женщина снова наклонила рыжую макушку, размышляя, и махнула рукой. – Останешься у нас до утра. Нечего по темноте бродить. Садитесь за стол, сейчас будем ужинать.

Дарёна подмигнула мне и улыбнулась. План сработал безукоризненно. Она избежала родительской кары, а я обзавелась кровом. По крайней мере, на одну ночь.

Дарёна, увидев мой перепачканный и порванный в двух местах халат, вытряхнула из сундука светло-оливковое платье, похожее на её собственное, и дала мне.

– Надевай. А я твоё потом зашью.

Через десять минут за столом сидела вся семья. Ульяна, мать Дарьи, накрывала на стол. Отец, Дмитрий, шикал на двух младших – Данилку и Илью, которые нарезали круги вокруг стола. Дарёна игриво металась от матери, к столу, больше мешая, чем помогая.

– Дарья, сядь! Сядь, пока всё не своротила, – ворчала на неё мать. – Когда ж ты научишься всему?! С такой хозяйкой семья с голоду умрёт. Женщина должна дом держать.

– А зачем нам ещё одна хозяйка? – дразнилась Дарёна. – Нашей семье и тебя хватит. Что ж тут вдвоём держать-то?

– Ух, Дарёна... Отходить бы тебя крапивой, да перед гостьей неудобно.

Рыжая снова посмотрела на меня озорно и благодарно.

– Ешь, нахалка, – мать поставила на стол глиняные тарелки с тушеными овощами. – Чем тебе Семён не угодил?

– Да глупый он. И шепелявит. А ещё собак не любит.

– Что с того, что не любит? Разве ж за это себе мужа выбирают?

– А то. Если и выйду замуж, так за доброго и умного.

– Раньше надо было думать. Всех умных давно расхватали. А добрых и того быстрее. Девки все замужем давно, одна ты осталась...

– А и пусть. И буду. Построю себе дом на краю деревни, заведу кота и буду жить там одна до самой старости.

– Глупая ты, глупая, – сокрушалась Ульяна. – Нельзя ж без мужика-то. Тебя итак уже стороной обходят. Бешеная, говорят. То водой окатит из колодца, то козлиным навозом закидает.

Дарья крикнула от смеха, а вместе с ней и младшие братья. Мальчишкам на вид было около десяти. Рыжей – не больше двадцати. Но казалась она при этом абсолютным ребёнком. Дразнилась, показывала язык братьям и елозила, не способная усидеть долго на одном месте. Когда в сарае она говорила о том, что приходится отбиваться от женихов, я и подумать не могла, что она делает это буквально.

Мать продолжала причитать над «несчастной» судьбой

дочери, а отец только довольно улыбался, глядя на Дарью из под густых соломенных бровей. Возможно, он и был согласен с супругой, но предпочитал не нападать на строптивую рыжую, давая ей право выбора. Или же боялся попасть под перекрёстный огонь.

Несмотря на ворчание Ульяны, в этом доме было столько тепла и любви, что даже мне, видевшей впервые всех этих людей, удалось расслабиться и посмеяться.

Заедая овощи домашним хлебом, вдыхая его запах, который у меня всегда ассоциировался с уютом, я почти забыла в какой ситуации оказалась. Подумала отложить решение проблем хотя бы до завтра. Сейчас мой уставший мозг едва ли был готов на свершения.

Ульяна со временем успокоилась, отстала от дочери с угрозами.

– Боян опять забор своротил. Черт рогатый, – цокнула Ульяна. Мне же стало стыдно.

– Это... не козёл. Это я забор сломала... Случайно. Извините.

– А мы починим. Да, Женьк? – громко и с энтузиазмом вскрикнула Дарёна. Я кивнула. Дома часто приходилось выполнять мужскую работу, поэтому уж как держать молоток и в какую часть гвоздя стучать – знала. К тому же, обрадовалась возможности загладить вину перед этими людьми за испорченное имущество.

– Девки? И вдруг забор чинить? – ворчала мать семейства.

– Ну, а что? Вон баба Нюра сама себе крыльцо сколотила. Чем мы хуже?

Ульяна махнула рукой, в очередной раз проиграв в словесной схватке этой стрекозе. Отец ласково посмотрел на дочь и снисходительно на жену. Видимо, его забавляло все происходящее. Крупный мужчина с невероятно мягкими для своего телосложения чертами лица. Иногда он хмурил брови, но больше для виду. Глаза его были такими же добрыми и искрящимися, как у Дарёны.

Ужин закончился. С трудом Ульяне удалось загнать мальчишек в постель. Пришлось несколько раз цыкнуть и даже напугать каким-то местным бабаем, который утаскивает в лес непослушных детей. Сыновья тут же натянули одеяла по самые носы и скоро затихли.

Нас с Дарёной ждало другое лежбище. Рыжая схватила перину, похожую на тонкий матрас, и повела меня через двор к какому-то сараю. Краем глаза я снова посмотрела в то место, где вечером были животные. Но, вероятно, оба эти существа уже спали. Тем лучше.

– А мы с тобой будем спать здесь, – улыбнулась девушка своей невероятной улыбкой.

Когда моя новая знакомая открыла дверь сарая, в нос ударил запах сухого сена. Я, дитя асфальта, городская жительница до мозга костей, никогда в жизни не валялась на сеновале. Всё это вызвало во мне такой неопишуемый восторг, что я даже визгнула.

– Здесь? Ты не шутишь?! Клааасс!

Дарёна засмеялась, всучила мне спальный комплект.

– Устраивайся, я скоро подойду.

На улице было тепло, даже жарко. Дома сейчас было самое начало июня и погода вполне соответствовала. Поэтому шансов замерзнуть здесь у нас не было никаких. Я застелила «постель», опустила на неё прямо в одежде, закрыла глаза и слушала окружающие звуки. Где-то рядом стрекотали кузнечики, чуть дальше лаяли собаки, ухали ночные птицы. В остальном же, было тихо.

Дверь скрипнула, рыжая голова прошмыгнула в сарай с глиняным кувшином в руках.

– Принесла попить, – отчиталась Дарёна и забралась ко мне наверх. – Устала?

– Угу, – честно ответила я, ощущая, как события прошедшего дня и, особенно вечера, тяжелым грузом прижимают меня крепче к матрасу.

– Тогда давай спать.

Она укрылась льняной простыней, повернулась на бок и очень скоро уснула. А вслед за ней, и я.

Пусть всё это странно. Пусть, местами, пугает. Совершенно не понятно, что ждет меня завтра, поэтому меньшее, что я могу сделать – выспаться и набраться сил.

Глава 4. «Кому велено мурлыкать...»

Приятное расслабление в теле в сочетании с отдохнувшим рассудком – непередаваемое чувство. Тепло, даже чуть прохладно. Травяной, непривычный запах. Слышно было приглушенные голоса, но слов я не разобрала. Снится, наверно. Или мама смотрит телевизор. Повернулась на живот. Постель отозвалась шелестом, и я тут же открыла глаза.

– Да что ж такое! – тихо выругалась и уткнулась носом в матрас, расстеленный на толще сухого сена.

Не сон. Всё взаправду. Тяжёлым осадком обрушилось на меня воспоминание о вчерашнем вечере и том, что со мной произошло. Чуть полежав, собравшись с мыслями, я соскользнула вниз с чётким намерением сегодня выяснить, что это за место и как поскорее отсюда выбраться.

Дверь сарая отворилась с тихим скрипом. Во дворе было пусто, не считая всё тех же козла и розового хряка, которые были увлечены своими делами и лишь слегка повернули голову на звук.

Я прошла к дому, ступила на крыльцо, и в этот же миг на меня вылетела смеющаяся Дарёна. Увидев меня, она приложила к груди ладонь и засмеялась ещё громче.

– Ой, ну и напугала. А я за тобой. Мама зовёт завтракать.

На завтрак была каша. Самая обычная пшённая каша с молоком и маслом. Утром уже никто не вёл праздных бесед. Быстро приговорив еду, домочадцы разбрелись кто куда, чтобы до вечера выполнить целую кучу каждодневных дел. Мы с рыжей, как и обещали, отправились чинить забор.

Вдоль улицы прогнали стадо коров. Дарёна открыла ворота, выгнала к остальным и свою чёрно-белую телушку. После чего подсыпала еды курам, кроликам, покормила свинью и козла, и вернулась ко мне.

– Так, с чего начнем... – она сложила руки на талию и, как бригадир на стройке, осматривала скособоченный забор.

– Думаю, надо сперва понять, что именно я сломала.

– Хорошая мысль.

Осмотрев поломанный забор, я выдохнула, поняв, что масштаб бедствия не такой уж большой. Свороченная секция и выдранные с корнем перемычки. Заменить сломанные колышки и всего делов. На час работы.

– Ага. Так ты поняла, что надо делать? – задумчиво почёсывая подбородок, спросила девушка.

– Ну да.

– Что, и сделать сможешь?

– Смогу.

– Ты... тогда начинай, а я подойду попозже. Инструменты там, – она махнула на маленькую деревянную будку рукой и быстро унеслась куда-то, ясно давая понять, что доделывать все мне придется одной.

Я принялась за дело. Всё-таки не люблю, когда из-за меня страдают другие. И материально, в том числе.

Нашла в сарае деревяшку, выстругала из неё колышки, приподняла упавшую перекладину к столбику и почему-то в голове снова всплыла песня Короля и Шута. Тихо затянула строчки про бродягу в чёрном цилиндре, пользуясь тем, что кроме меня и животных во дворе никого не было.

– «... И как-то странно на него смотрели местные собаки...»*

(*«Камнем по голове», гр. Король и Шут)

За спиной хрюкнули. Я обернулась. Две пары глаз, смотревших на меня тут же отвернулись в разные стороны. Хряк уткнулся пятакон в корыто. Козел молотил челюстями сено, изображая равнодушие и беззаботность.

– Умом тут тронусь скоро, – буркнула я и уже молча продолжила разбираться с забором.

Заколотила колышки. Не то чтобы хорошо, но сносно, учитывая степень изношенности остальной конструкции. Прихватила кусок верёвки и принялась приматывать крест-накрест к столбу.

Краем глаза я снова уловила, что внимание любопытных зверей сосредоточилось на мне. Резко повернула голову. Свинья чуть визгнула, спрятала нос всё в том же корыте. Козёл пару раз переступил передними копытами, и замер, глядя в даль, будто так и планировал.

Отвернулась. Через пару секунд снова неожиданно по-

смотрела на них. И опять испуг в глазах, и тут же – невозмутимый вид, как будто до меня им нет никакого дела. Я молча сверлила взглядом этих двоих, ожидая не известно чего.

– Беее, – проблеял козёл, а я почувствовала себя полной идиоткой.

– Ну все, Женьк. Приехали, – подумала обречённо и решила всеми силами не обращать внимания на странности, происходящие вокруг. Затянула крепче узел верёвки, не оборачиваясь, но спиной ощущая, как эти двое продолжают тарашиться на меня.

– В конце концов, обычное любопытство. Зверям же оно тоже свойственно? Мало ли кто тут пришёл и ковыряется на их привычной территории, – думала я.

– О, уже закончила? – приблизилась ко мне радостная Дарёна. – Тогда давай на речку прогуляемся?

– Давай, – кивнула ей, ещё раз подёргав забор и убедившись в том, что работа выполнена качественно.

Дарья повесила на руку корзинку, прикрытую чем-то вроде тонкого покрывала. Мы шли сперва по дороге, потом свернули на тропу и вскоре, преодолев заросли полевой травы, вышли на берег реки. Вода, вспениваясь, перекатывалась через мокрые валуны, разлеталась брызгами, искрилась на солнце и шумела. Течение было нереальной силы и скорости. Едва ли даже хорошо подготовленному человеку удалось бы перебраться на другой берег без спецтехники.

Пройдя чуть выше по течению, мы приземлились на пе-

сок. Дарёна вытащила из корзинки белый хлеб, кусочек сыра и свежие овощи.

– Можно я задам тебе вопрос? – спросила я девушку, понимая, что начинать путь к спасению лучше от неё.

– Конечно.

Пара лучистых голубых глаз с любопытством устремилась на меня. Я решила, что начать лучше всего с самого логичного варианта. Если меня каким-то образом вырубили и привезли сюда, то с того момента, как я ударилась головой о стол и до того, как очнулась посреди деревенского двора, прошёл минимум день.

– Какое сегодня число?

– Число? – переспросила она.

– Число. Дата...

Девушка всё так же непонимающе смотрела на меня, подняла плечи.

– Ладно... Год. Год хотя бы знаешь?

Снова задумчивый взгляд и нет ответа. Пойдём другим путём.

– Ты сказала, деревня называется «Нюркин луг». Какая это область?

Тишина.

– Край? Республика? Автономный округ?

Дарёна молча смотрела на меня, но взгляд становился всё более озадаченным и немного напуганным.

– Хорошо, – в отчаянии я провела рукой по волосам, уби-

рая их назад. – Это хотя бы Россия?

– Что такое «Россия»? – абсолютно искренне спросила рыжуля.

Я опешила. Как в двадцать первом веке можно не знать, что такое Россия?! Говорить на чистом русском и не знать?!

– Окей. Украина? Беларусь? – я продолжала перечислять любые возможные варианты, где могли встретиться русскоговорящие люди. – Сербия?

– Я не понимаю, что ты говоришь, – растерянно улыбнулась Дарья, поправив длинный подол.

Черт! Может, это секта? Каких-нибудь староверов или ещё кого. По крайней мере, именно древнюю Русь мне с самого начала напомнило это место. Живут в изоляции и знать на знают, что творится вовне.

– Так... Ладно... Это Русь? – сама не веря в то, что говорю, спросила девушку. Та снова пожала плечами. – Российская империя? СССР? Что?

– Нюркин луг, я же сказала.

– Это мне понятно. Страна какая?

Даша виновато выпятила нижнюю губу. Что-то в её облике подсказывало мне, что она совершенно честно недоумевает, что я от неё хочу.

– Даш, как мне добраться к ближайшему большому городу?

– Не знаю. А они есть?

– Подозреваю, что да, – теперь, на всякий случай, я гово-

рила с ней медленно, осторожно, как с умалишённой. Мозги промыли ей знатно. И, видимо, не только ей. – Как отсюда уехать?

– Никак.

– Такого не может быть. Где-то должен быть въезд в деревню. А в такую большую – и не один.

– Ну нет. Правда, – снова виновато посмотрела она и развела руками. – Если бы был, я бы сказала.

– А как вы выезжаете отсюда?

– Мы не выезжаем.

Тут уже я устояла на ней, пытаюсь уложить сказанное ею в голову.

– Ладно. Дороги нет. Пускай. Но через лес ведь уйти можно?

– Нет. Там не пройдёшь. А если и пройдёшь, заблудишься.

Вот тут она права. Если рвану через лес, точно заблужусь. Даже в школе умудрилась заблудиться в лесу, когда мы с классом выезжали на спортивное ориентирование. К тому же, неизвестно, далеко ли до следующего населённого пункта, где живут «обычные» люди.

– А вдоль реки? – с надеждой спросила я. – Деревни и города ведь обычно строят на берегах рек.

– Не знаю. Только по реке далеко тоже не уйдёшь. Там водопад, – она указала в ту сторону, куда стремительно мчались потоки бурой воды. – А там леса непролазные. Да будто ты сама не знаешь! Тоже ведь здесь живёшь.

– Нет, Дарёна, – крикнула я, почти плача, и соскочила на ноги. – Я не живу здесь. Я всю эту деревню вчера впервые увидела. И вообще не представляю, как сюда попала.

– Как так?

– Да вот так. Сначала была дома, стукнулась головой. А потом бац! И как-то попала на ваш двор.

– Волшебство?! – раскрыв глаза, прошептала Дарёна.

– Скорее, чья-то глупая шутка. Непонятно, как осуществлённая.

Я уставилась на воду, постепенно успокаиваясь и настраивая мозг на продуктивное решение проблемы.

– Никогда не встречала людей не из нашей деревни, – потянула рыжая как будто недоверчиво. Хотя, наверно, больше удивлённо.

– Проводи меня к лесу, – решительно сказала я.

Надо выбираться. Какая-то дорога или тропа быть должна. Не сидеть же тут теперь.

– Ты не пройдешь, – ответила девушка.

Её фраза напомнила мне того самого больничного Гэндалфа, охранника Геннадия. О, сколько бы я сейчас отдала, чтобы снова увидеть это тронутое алкоголизмом лицо. Как и лицо постовой сестры, Юльки, Андрея, мамы. Даже крали. Только бы вернуться в свою обычную, серую, скучную жизнь.

Мама... Как она там?! Она ведь, наверняка, с ума сходит, что меня нет. Ищет, обзванивает больницы, морги...

Ужас, сковал меня от осознания того, через какие муки приходится пройти близкому человеку. Её горе словно отразилось и внутри меня. Мама! Мамочка!

– Я пройду! Веди!

Девушка кивнула, не решаясь больше спорить со мной, скидала продукты обратно в корзину и зашагала вдоль берега к так называемым непролазным лесам.

Мы шли пару часов. То, что местные жители именовали деревней, на деле же больше походило на небольшой такой областной центр. Навскидку, население здесь явно превышало двести тысяч человек.

Зелёный массив показался на горизонте, и я невольно ускорила шаг. Скорее! Выбраться из этого странного места...

Сосны с красноватыми стволами и ветвистыми зелеными кронами взмывали вверх и ловили игольчатыми лапами ветер. По низу сплошняком тянулся кустарник. Дарёна осталась стоять в стороне, а я полезла в чащу...

– Ауч! – громко вскрикнула, когда длинная иголка вошла под кожу. – Ай-яй-яй!

Снова и снова нападая на кусты, я пыталась пробраться через них хоть на сколько-нибудь. Но не прошла и полуметра. Изодрала иголками лицо, руки, порвала платье. Растрепанная, потерпевшая полное поражение, стояла рядом с лесополосой и пыталась отдышаться.

– Так, а если по реке...

Сунулась было в воду, чтобы вброд обойти заросли, но течение, даже у берега имеющее невероятную силу, тут же сбило с ног.

– Вот черт, – с трудом уцепившись за берег и руку Дарёны, я выбралась на сушу. – А-ну, ещё раз...

Ощущая, как прилипает к ногам вымокшее насквозь платье, я снова вошла в реку. Сделала шаг против течения, ещё один. Третий дался сложнее. Поставила босую ногу на камень, торчащий над поверхностью воды, но соскользнула, запнулась, и течение вновь уничтожило мою попытку, шарахнув меня о каменистое дно. Коленку тут же защипало. С трудом выбравшись на берег, я увидела на ней довольно большую ссадину, которая вскоре непременно примет фиолетовый окрас.

– Врагу не сдаётся наш гордый Варяг! – затянула я боевую песню, чтобы заглушить слезы отчаяния, задрала подол чуть выше колен и решительно шагнула в третий раз в этот бурный поток.

После не знаю какой по счету попытки и пары десятков набитых шишек и синяков, я, наконец, согласилась с рыжей, что дело гиблое.

– Что же делать-то, а? – спрашивала я саму себя, сидя на берегу и покачиваясь в мокром платье.

– Идем домой. Ты вся промокла, – спокойно сказала девушка. – Тебе, выходит, и жить негде? Поживешь пока у нас... Расскажешь мне о себе... Я тебе расскажу о нашей де-

ревне. Там, глядишь, и придумаем, как быть.

И мы поплелись обратно к дому, где жила семья Дарёны. Абсолютно раздавленная, я еле волочила ноги. Ещё ни разу в жизни не была в такой ситуации и совершенно не знала, что делать. Только сердце разрывалось на клочки от мысли, что я застряла здесь навсегда.

Дарёна убежала встречать корову, меня одну отправила во двор. Едва закрыв калитку, я снова поймала на себе взгляд парнокопытных. И опять оба отвели глаза в сторону, как только их заметили. Отвернулась, сделала вид, что ещё раз проверяю забор, а потом резко повернулась. Всё по старой схеме – пятак в корыто, козёл жуёт сено. Вроде, всё как всегда. Меня же эти гляделки начинали раздражать. Станные эти двое. Станные.

Медленно приближаясь, я не сводила глаз с козла. По мере того, как сокращалось расстояние между нами, его челюсти начинали работать быстрее, а глаза забегали. Я остановилась в полуметре от него и смотрела, как нервно подрагивают его прямоугольные зрачки. Вправо. Влево. Быстрее. Моргнул. Ещё раз. Чаше. Рот его уже напоминал какую-то молотилку, только зубы громко стучали в воцарившейся тишине. Он настолько старался выглядеть обыденно, что вместе с сеном подцепил какую-то тряпку, принялся жевать и её тоже, пока не заметил, что что-то не так. Открыл рот, вытолкнув языком несъедобную субстанцию, при этом продолжая водить глазами и нервно дергать нижней челюстью.

Сглотнул, переступил копытами чуть назад и заблеял срывающимся голосом:

– Беее!

– Попался! – я выставила вперёд палец, почти ткнув им в его мокрый нос, и голосом победителя прошипела. – Козлы говорят «Меее».

– Ааа... Эээ... – промямлил рогатый и покосился на хряка, который на это время подозрительно притих.

– Во дурааак, – протянул Борька, мотнув пяточком. – Говорил ведь тебе, молчи!

И в этот момент я поняла, что моя ситуация ещё сложнее, чем мне казалось изначально.

Глава 5. «Союзники»

– Сам дурак! – резко перевёл внимание с меня на свина бородатый. – Не хрюкал бы, так она бы и не заметила.

– Я хотя бы хрюкал! А ты?! Из ума выжил?! Ещё бы хрюкать начал, полиглот хренов!

– Щас я тебе в бочину рогами кааак дам...

– А-ну стоп! – закричала я, прерывая их очередную перепалку. Выставила вперёд ладони. – Вы... разговариваете? Как это возможно?!

Хряк откашлялся и вышел чуть вперёд.

– Справедливости ради, надо заметить, что данное явление скорее можно трактовать, как сочетание необъяснимых мировых процессов, которые стали возможными путём приложения к ним сверхъестественной силы неизвестного гена.

Я молча смотрела на это существо, выпучив глаза и не понимая ни слова из того, что он там хрюкал. Хряк снова улыбнулся своими мелкими зубами и сказал загадочным шёпотом:

– Волшебство.

– Да иди ты, – выругалась я, всё ещё не веря, но постепенно осознавая. К счастью, эти двое теперь меня хотя бы не пугали. – И что? Здесь все животные говорят? И люди вас понимают?

– Ну вообще-то, – с важным видом тряхнул бородой козёл. – Понимаешь нас только ты. Сами в шоке.

– Почему это, только я?

– А я почём знаю, почему. Тебе лучше знать.

– Да вот не знаю.

– Скажи нам лучше, – снова заговорил свин. – Ты откуда здесь взялась? Не было никого, а потом бац! Нарисовалась.

– Не знаю. Сама пытаюсь понять.

– Странная ты какая-то, – мотнул он пяточком.

Я посмотрела на него. Потом на козла. Странная? Я? И это мне сказали говорящие звери?! Хотя... Вот если так подумать, может они и правы...

– Женьк, ну ты чего тут? – появилась во дворе Дарёна. Закрыла скрипучую калитку и подошла ближе.

– Да вот, общаюсь, – я указала рукой на животных, которые в эту минуту старались принять самый обычный вид.

– Много интересного узнала? – хихикнула рыжая. – Идём. Расскажешь мне всё про себя.

Дарёна снова увлекла меня на сеновал. Привалившись спиной к стенке сарая, я начала рассказывать ей всё, что знала.

– Я была дома, в своей квартире...

– В квартире? – удивилась она.

– Да... Это такие помещения в больших домах, где живёт много людей. Ну вот если взять несколько таких домов, как ваш, и поставить друг на друга, вместе...

Она кивнула, задумчиво тряхнула волосами видимо прикидывая что-то в мозгу.

– Потом ударилась головой об стол и... Оказалась здесь. Я даже сознание не теряла в тот момент... Кажется...

– Как по волшебству?

– Мне бы хотелось найти более рациональное объяснение. Но, пока это выглядит как «хоп», – я щёлкнула пальцами. – И вот я уже оказалась здесь.

Дарёна недоверчиво нахмурилась. Знакомый взгляд. Примерно так смотрела я на неё, когда расспрашивала обо всём на берегу реки. Я видела как с каждым сказанным мною словом, её лицо становилось всё более серьёзным и напуганным.

– Я не сумасшедшая, – с обидой сказала ей.

– Нет, конечно. Я и не думала. Просто странно это всё, – она упёрлась двумя руками в сено и чуть отодвинулась от меня. Я дёрнулась к ней, изрядно напугав.

– Пожалуйста, не бойся меня! Я ничего тебе не сделаю, честно! Я сама боюсь до ужаса.

Девушка в испуге хлопала глазами, рассматривая меня.

– Я и не боюсь, – выдавила она из себя, гордо вздёрнув подбородок. Но верить ей пока не получалось.

– Даш, если бы я хотела тебе навредить, то уже сделала бы это. Понимаешь? Я просто хочу вернуться домой. И всё... Я никому не желаю зла...

С минуту мы смотрели друг на друга. Наверно, весь мой облик транслировал такое отчаяние, что Дарья, кажется, пе-

рестала видеть во мне угрозу, заметно расслабилась.

– Расскажи, как устроен твой мир, – сказала она, сложила подбородок на руки и приготовилась слушать.

Чувствуя себя крайне неловко, я начала рассказывать ей о привычном для меня мире. О том, как и в чём ходят люди. Как выглядят наши дома. Чем мы увлекаемся и как привыкли отдыхать. О некоторых достижениях науки, техники. О медицине. О своей работе, обычной жизни.

Чем больше рассказывала, тем сильнее манила меня эта рутина. Прошрое махало мне издалека, будто дразня. При упоминании дома так вообще проступили слёзы. Рассказала девушке о маме, о Юльке, об Андрее...

– Нууу, не плачь, – сдвинув домиком бровки, Дарёна обняла меня.

– Отведи меня ещё раз к лесу. Только надо взять с собой топор. Попробую прорубить эти заросли.

Она немного помолчала, потом кивнула, погладила меня по волосам.

– Хорошо. Давай сходим. Вечером. А сейчас надо хозяйством заняться.

Несколько часов мы с ней вместе занимались обычными деревенскими делами – копались в огороде, черпали из колодца и носили воду для бани, начистили овощи, чтобы Ульяна приготовила из них что-то съестное. Покормили скотину, на которую я теперь поглядывала с подозрением. Но все они, как один, молчали. Только бегающие козлиные зрач-

ки не давали мне усомниться в том, что все эти четвероногие обо мне уже наслышаны.

Сунув топор под кожаный пояс, взяв с собой перекус и впихнув ноги в кожаные тапки на шнурках, мы с Дарёной выдвинулись к лесу. Шли довольно долго по деревне, пока не вышли на дорогу, идущую аккуратно вдоль плотной стены сосен.

– Ну, берегитесь! – сказала я решительно, скорее самой себе, и кинулась с топором на колючие ветки кустарника.

Острые пружинило, отскакивало. Один раз чуть не хлопнуло мне обухом по лбу. Но на ветках не появилось ни одной зазубринки.

– Ладно, – вымотанная, сдула со лба прядь волос. – Давай пройдем дальше. Может быть там...

Дарёна сочувственно кивнула. Было видно, что моя затея не кажется ей хорошей. Но она предпочла молча дать мне самой убедиться в тщетности собственных усилий.

Мы шли вдвоём вдоль линии леса по дороге, периодически проверяя на прочность живую изгородь. Без шансов. Чем больше я пыталась прорваться сквозь неё, тем сильнее царапалась о колючки и понимала, что Даша была права. Здесь я не пройду. И никто не пройдёт. Даже зацепиться за стволы сосен и, как Тарзан, перескакивать с верхушки на верхушку тоже не получится. Кусты так плотно закрывали собой стволы деревьев, что ближе, чем на несколько шагов приблизиться к ним не удавалось.

– Домой? – спокойно спросила моя спутница, когда солнце скрылось за деревьями, делая тени непропорционально длинными.

Я кивнула. Обречённо. Поверженно. Таким было сейчас моё состояние. Я останусь здесь. Останусь навсегда. И, хоть всё вокруг мне даже в какой-то степени нравилось – люди совершенно не проявляли никакой агрессии, напротив, были приветливы и дружелюбны; воздух был кристально чистым, свежим; работать вместе с Дарёной мне тоже понравилось, – всё это было мне чужим. Где-то там, за зеленым «забором» осталась моя реальная жизнь. Такая скучная, серая, однообразная. И такая моя.

Оптимизм растворялся в отчаянии, прорываясь наружу солёными слезами. Второй раз за день. Не помню, когда в последний раз я столько плакала.

Дарёна держала меня за руки, крепко сжимая кисти, и наблюдала мой приступ уныния. Я зажмурилась, прогоняя последние капли из глаз.

– Знаешь что, – неожиданно строго, решительно сказала девушка. – Ты выберешься отсюда. И вернёшься домой. К маме. К Андрею. И я буду не я, если тебе не помогу.

Она снова обняла меня, погружая в тепло и спокойствие, которое от неё исходило. Я не сдержалась, обхватила обеими руками её худенькую фигурку и благодарно всхлипывала, ощущая, как мне щекочит нос волнистые волосы девушки. Калейдоскоп из чувств смешался сейчас во мне. Страх

и сомнение перепутались с удивлением и благодарностью. И последнее чувство было, пожалуй, сильнее.

В этом пока непонятном для меня месте, помимо непролазных лесов, говорящих животных и моего необъяснимого сюда попадания, было странным и ещё кое-что. Его жители. Изоляция, по-видимому, искоренила в них подозрительность и недоверие, страх перед чужаками. Если всё правда и жители не выезжали отсюда, потому что не могли, следовательно, и посторонние извне попасть сюда тоже не сумели бы. Значит не было чужаков. Некого бояться. А живя сообща, одной большой семьёй, они научились уважению и радушию, мирному сосуществованию. Научились заботиться друг о друге, любить и помогать даже незнакомцу.

Вот и Дарёна. Знает меня чуть больше суток, а уже готова кинуться на помощь, даже не подозревая, чем эта помощь может ей обернуться. Признаться, я и сама не подозревала... Она и её семья готовы были дать мне жильё, хотя впервые видели. В моём мире такое едва ли было возможным.

И хоть мне было неловко за то, что я так легко принимаю предложенную поддержку, иного выхода у меня не было. Но помощь пришла, откуда не ждали.

Глава 6. «Кукушки»

По моим подсчётам, я провела в деревне около недели. Успела ещё сильнее привязаться к Дарёне, её семье, дому. Местные жители здоровались со мной, принимая за свою.

Каждое утро вместе с рыжей мы выгоняли корову, кормили животных, которые упорно молчали, только скашивая глаза в мою сторону. Случалось, я помогала Ульяне с приготовлением пищи. Она научила меня готовить в дровяной печи, даже однажды пекли пироги с капустой. Глядя на меня, интерес проявляла и Дарёна. Мать, ворча, всё же допускала дочь до готовки, хоть и продолжала пристально следить за её действиями. Когда Ульяна отвлекалась, я старалась научить рыжую тому, что знала сама.

Даша зашила порванное мною платье. И халат. Платье в итоге было мне подарено, как и кожаные мокасины к нему в тон.

Я постепенно привыкала. Перестала бояться. Научилась принимать каждый день, словно он был подарком. Иногда даже проскальзывала мысль, что можно было бы и правда остаться здесь насовсем. Этакая утопия. Райский уголок, где живут добрые люди, лишённые таких пороков, как зависть, подлость, предательство. По словам моей новой подруги, ничего такого за всю свою жизнь она не припомнит. Мелкие ссоры, дразги, но не более. Было бы сложно поверить в это,

если бы я не видела весь этот мир своими глазами.

– Жееень! – Дарёна бежала ко мне со всех ног и кричала аж с начала улицы. – Женька!

– Да что случилось-то?! – я поставила ведро на землю и обеспокоенно смотрела на приближающуюся девушку.

– Кукушки!

– Какие кукушки?

– Праздник кукушки! На площади, вечером. Идём?

Глаза рыжей снова источали волны света и радости.

– Идём, – ответила я. Даже если я нахожусь здесь не по своей воле, это совершенно не значит, что нельзя веселиться.

Девушка прыгала на месте от радости, как ребёнок. Сколько же в ней энергии и этой самой непосредственности.

– Только надо подготовиться... И воды принести... И подоить Ладку... И овощи ещё...

По мере перечисления неотложных дел, энтузиазм Дарёны снижался. Я усмехнулась, подняла ведро, до краёв полное колодезной воды.

– С одним из пунктов, считай, расправились.

– Поняла! – радостно вскрикнула она. – С тебя Ладка, с меня всё остальное. Увидимся, когда закончим.

– Эй! – крикнула я ей вслед, но дверь в дом за шустрой рыжухой уже захлопнулась. – Как её доить-то?!

– Как-как. Ведро подставь, да за сиськи дёргай, – мекнул козёл. Я повернула голову. Он смотрел на меня с таким видом, будто каждый уважающий себя человек непременно

должен был владеть этим умением.

– Где ведро? – спросила его, пересилив раздражение на этот выпад.

– В сенях. Сполосни только.

Слушая указания рогатого, я подготовила тару, набрала в ведро теплой воды, протерла коровье вымя и, нервно пошевелив в воздухе пальцами, приготовилась выполнить возложенную на меня миссию. Двумя руками схватила за соски.

– Холодно вообще-то, – сказал кто-то.

Я огляделась. В коровнике только я и Лада. Всмотрелась в глаз с пушистыми изогнутыми ресницами, которым она была повернула ко мне, и спросила заговорщическим шепотом:

– Ты тоже говорящая что ли?!

– Что значит «тоже»?! – пробасила рогатая. – Уж не глуше козла.

– Я бы попросил... – донеслось с улицы.

– Помолчи, патлатый! – она снова повернула голову ко мне, взглянула исподлобья. – Чего встала? Будем болтать или дело делать?

– Ага, – растерянно ответила я и уселась лицом напротив коровьего вымени. Погрела руки друг о друга и снова потянулась.

– Ну... Долго будешь гладить?

– Да не глажу я... Прицеливаюсь...

– Быстрее целься. А-то кефир один останется.

– Да всё уже. Всё...

Взяла одной рукой, немного надавила, потянула вниз.

– Что ты боишься его?! Как будто не вымя трогаешь, а гнездо осиное.

– Да уж лучше б гнездо, – буркнула я себе под нос и сильнее сжала кулак.

– Нежнее! Ну!

– Прости... Вот так?

– Так слишком нежно. Сейчас вместо молока сладкий кисель польётся. Нормально возмись.

Я, наконец, схватилась за соски, решительно потянула их вниз и визгнула от громогласного «Мууууу!».

– Вот ведь криворукая! Тебя бы так подёргали! Ты хоть понимаешь, что у меня на нервной почве молоко и вовсе пропасть может?! Ты что ль, тощая, потом всех кормить будешь?!

– Так! Всё! – не выдержав упреков, я вскочила на ноги. – Тогда сама себя дои, раз такая умная.

Шумно хлопнув дверью коровника, вышла на улицу. Козёл смотрел на меня участливо, с беспокойством. Я ткнула пальцем в сторону двери.

– Как?! Как, скажите, можно доить того, кто находится со мной на одной интеллектуальной ступени?!

– Я бы не была в этом так уверена, – донеслось гнусаво из коровника.

– Она ещё и хамит! Ты слышал?!

В стороне, в тени у сарая кто-то закричал. Хряк повер-

нулся с боку на живот, поднялся на все четыре копыта и, чуть встряхнувшись, помотал пяточком и прошёл мимо меня к коровнику.

– Нет в вас дипломатической жилки. Разойдись...

Пинком он открыл дверь, скрылся за ней и появился через пару минут в дверях, довольный, с порозовевшими щеками.

– Леди обещала впредь вести себя сдержанно. Прошу, – и Борька махнул ушами, приглашая меня войти.

Я нерешительно вошла. Заняла прежнее место у вымени и, снова согрев руки, прикоснулась к этой чувствительной части тела Лады. Сжала сперва некрепко. Потом чуть сильнее и, вспоминая, как делала это Ульяна, принялась добывать молоко из коровы.

– Так нормально? – на всякий случай уточнила у ворчуньи.

– Сойдёт.

Закончив, я вышла во двор с ощущением, что заходила не в коровник доить корову, а разгуливала с красной тряпкой на арене рядом с разъярённым быком.

– Вот так пощекотала нервишки.

К вечеру Дарёна загадочно поманила меня в одну из комнат родительского дома. Замерев в нетерпении, указала рукой на кровать с разложенным на ней сиреневым платьем.

– Это тебе, – сказала она, а глаза её искрились радостью. – Нравится?

– Очень, – честно ответила я, опешив. – Но Даш, я не мо-

гу...

– Не хочу ничего слышать! Надевай сейчас же!

– Ты ведь уже подарила мне одно...

– Да, но на праздник оно не подходит. Надень. Мне это совсем не сложно. Я люблю шить. А отец всё время привозит для меня новые ткани.

Я бы поспорила ещё, если бы это незамысловатое одеяние не сразило меня так сильно. Простого кроя платье в пол, без рукава. Лиф, лаконично украшенный кружевом по верхнему краю. Чуть присборено на талии. Самый обыкновенный хлопок. Но смотрелось всё в целом фантастически.

– Спасибо, – ответила я шёпотом, ощущая подушечками пальцев мягкую ткань.

Даша надела схожего цвета наряд, чуть отличающийся по крою. «Фэмили лук», как сказала бы Юлька.

Платья в сиреневых тонах были не достаточным атрибутом праздника. Дарёна изрядно потрудились, чтобы вплести нам обеим в волосы фиолетовые флоксы. В конце концов, мы с ней выглядели, как две лесные феи цветов. Не хватало только крылышек.

Ещё не дойдя до главной площади деревни, сквозь гул толпы легко различалась музыка, создаваемая местными музыкантами. Гудящие звуки домры подхватывались переливами свирели, кричающим соло жалейки и трескотнёй деревянных трещоток. Всё это вместе создавало весёлую композицию и заводило толпу. Подойдя ближе, я увидела и другие

инструменты. У одного из жителей в руках было что-то похожее на волынку, с большим кожаным мешком и несколькими трубочками. Второй держал в руках нечто, напоминающее не то гитару, не то скрипку, но с изогнутым, дугообразным смычком, напоминающим лук. Громкий, низкий тембр, извлекаемый музыкантом из этого чуда, ловко встраивался в общий оркестр, дополняя мелодию. Дети бегали повсюду с бубенцами в руках и глиняными свистульками в форме птиц.

На краю площади стояла плетёная клеть с двумя серыми кукушками внутри. Обе они, насупившись, сидели на перекладинке и с пренебрежением смотрели на происходящее вокруг.

Музыка сменилась на ещё более заводную. Кто-то из стоявших рядом людей ухватил меня за руку, я цапнула Дарёну, она ещё кого-то, и танцующая вереница увлекла нас в мир веселья и ритуальных плясок. Сперва я не понимала, как можно танцевать под эту музыку. Потом же начала различать акценты, и вместе с остальными попадала в такт. Топала, хлопала, подпрыгивала, пока ручеёк из людей не начал вновь своё движение.

Впереди всех шёл человек в серой одежде, в плаще, напоминающем крылья. Лицо его закрывала маска в виде головы птицы, в чью честь устраивался праздник.

Как «змейка» из телефонной игры, человек собирал новых и новых людей, делая «хвост» длиннее, пока вся эта толпа могла передвигаться. Когда же размеры площади не поз-

волили больше это делать, танцы прекратились. Музыка стала более мелодичной, даже романтической, или мечтательной. Взгляды жителей устремились на клеть с птицами. Тот человек, в маске, и ещё один в таком же костюме, подняли птичий домик и медленно вынесли его в центр, заставив людей отступить, образуя круг.

– Что сейчас будет? – спросила я Дарёну.

– Сейчас будет самая главная часть праздника, – шепнула девушка. – Каждый житель деревни выйдет к птицам и шепнёт самое заветное желание. В конце птиц отпустят. Они будут лететь, рассказывать о наших желаниях ветру, дождю, Солнцу, Луне, и тогда они непременно сбудутся.

– И вы всерьёз в это верите?!

– Я верю. И все верят. Так что подумай, что хочешь загадать.

Каждый из толпы, от мала до велика, подходил к кукушкам, шептал им о своих мечтах и отходил, уступая место следующему. Очень скоро очередь дошла и до нас. Даша пошла первой. Наклонилась к клетке, что-то сказала серым птёшкам внутри и махнула мне рукой.

– Ладно. Что я теряю, правда? – напутствовала я себя, решив, что опыт участия в подобных ритуальных празднествах не может плохо отразиться на моей жизни.

Птицы не обратили на меня ни малейшего внимания. Мне же их стало даже жаль. Но, вспомнив, что скоро их отпустят, перестала мучить себя угрызениями совести.

– Так... Желание... Пусть... Пусть всё встанет на свои места.

– Чётче. Чётче формулируй, – отозвалась из клетки крылатая.

Я опешила. Всё-таки сложно привыкнуть к этой новой моей особенности.

– И-извините, я вообще в это не верю...

– Чего пришла тогда?! Ходят они, желания загадывают. Вы что думаете, мы всё запомнили что ли? Вон вас сколько. Делать нам больше нечего, как летать и про ваши дурацкие желания всем рассказывать.

– Я... пойду, пожалуй...

– Иди, иди. Не верит она. Хотя у одной мозги есть.

Чувствуя себя невероятно глупо, я вернулась к Дарёне. Разумеется, о разговоре с кукушками рассказывать я ничего не стала. Тем более, что не хотелось рушить в ней веру в чудеса.

Когда каждый из жителей рассказал птицам о своих желаниях, двое в костюмах подняли клетку выше, демонстрируя её всем, открыли дверцу и под напряженный барабанный бит выпустили наружу пернатых.

Две маленькие фигурки взмыли вверх, мелькая на закате черными силуэтами. Минута – и птиц было уже не разглядеть. Странно, но даже несмотря на то, что сказали мне кукушки, удалось хоть немного поверить, что чудеса случаются.

– Идём, я кое-что тебе покажу, – Даша потянула меня за собой.

– Что? – спросила я с интересом.

– Колесо обозрения. Ну... Местное...

Я улыбнулась. Только вчера рассказывала ей об этом «чуде» моего мира. О том, как мне нравилось смотреть на город с высоты. О том, как красив он был, особенно на закате, когда солнце заливает золотом верхушки деревьев, ласкает своим светом стены домов и дарит неописуемый восторг.

Прилично пройдя вслед за рыжей по дороге, я увидела мельницу и поняла, что она задумала. Наверно, мельница и пристройка к ней в этом месте были самым высоким зданием.

– Сюда, скорее, – махнула мне девушка. – Забирайся.

Подложив снизу какие-то мешки, мы вскарабкались в окно. Поднялись по лестнице и, выйдя на самый верх, уселись наблюдать за деревней. В который раз я поймала себя на мысли, что в этом странном месте мне не нужны очки. Мои глаза прекрасно видели без них. Тем лучше, потому как очки, вероятно, упали, когда я ударилась дома об стол.

– Так красиво, – сказала я, замороженно рассматривая пейзаж. Поля, лес, дома и дороги. – Сказочно.

– Жень, прости... Я так ничего и не узнала. Спрашивала у родителей, не напрямую, конечно. Но и они не знают. И не знают, кто может знать.

Внутри кольнуло. За неделю я почти смирилась с тем, что

это место теперь мой новый дом. Но надежда теплилась. Сейчас и она оборвалась.

– Ничего, – ответила, стараясь не показывать, как расстроила меня эта информация. – Здесь хорошо. Думаю, я смогу привыкнуть.

Даша обняла меня, положила голову мне на плечо и молча смотрела на горизонт. Когда солнце окончательно скрылось за кромкой леса, мы начали собираться. Всё-таки отсюда до дома Дарёны идти не меньше часа.

Я пошла первой. Пролезла в окно, спрыгнула на мешки, с них – на землю, развернулась и почти воткнулась лицом в чью-то грудь. По спине пробежал холодок. Человек передо мной был выше меня по меньшей мере на голову, тяжелее килограмм на пятьдесят или даже больше. Да моя нога в самом широком месте была тоньше, чем его предплечья. Не зная, чего ждать, я подняла голову, заглянула в лицо мужчины и спросила, дрожащим голосом:

– Вы кто?

– Тимофей, – ответил мне приятный грудной бас. – Мельник.

– Ловииии, – крикнула из окна Дарёна и плюхнулась на мешки. – Ауч! Ну где ты...?

Она, кряхтя, поднялась на ноги, пока я, как под гипнозом рассматривала бородатое лицо мельника.

– Привет, Тимофей, – девушка цапнула меня за руку и потащила к дороге. – Пока, Тимофей.

Когда мы отошли чуть дальше, наклонилась ко мне и ворчливо шепнула:

– Вечно пугает. Подкрадывается незаметно. Такой здоровый, а ходит, как кот, неслышно совсем. Бррр!

– Да уж...

После трудового дня, танцев на празднике и дороги на мельницу и обратно, мои ноги жалобно гудели. Был даже риск не дойти до сеновала и уснуть в стогу прямо в поле. Но моя любовь к комфорту победила.

– Ааааах, – широко зевая, Дарёна пошла к двери в дом. – Принесу перекусить чего-то. Проголодалась.

– Угу, – буркнула я в ответ и, как только девушка скрылась за дверью, вздрогнула.

– Пссс!

– Кто здесь?!

– Да мы это, – сказали из тёмного угла, в котором обычно отдыхали мои новые друзья. – Новости есть для тебя.

– Какие ещё новости?

– Мы знаем, что ты не из нашей деревни. Что чудом попала сюда и хочешь вернуться назад.

Я сощурила глаза и, как учительница, принялась отчитывать двух любопытных зверей:

– Вам не говорили, что подслушивать чужие разговоры нехорошо?

– Ты подожди ругаться. У нас хорошие новости, – сказал хряк. – Мы знаем, кто может помочь тебе выбраться отсюда.

– Уж не вы ли?

– Не мы. Баба Нюра. Та, что живёт в Гнилом углу.

Глава 7. «Гнилой угол»

- И как она мне поможет? – скрестив на груди руки спросила я, не особо веря в то, что сказали эти двое.
- Это уж мы не знаем. Поди, да спроси сама. Если она, конечно, согласится тебе помочь.
- А может не согласиться?
- Да черть её знает. У неё характер ого-го, – обиженно сказал козёл, и я поняла, что именно он испытал на себе эту сторону характера старухи.
- Так, а откуда вы знаете, что она может помочь?
- Верка сказала, – ответил хряк.
- Кто такая Верка?
- Собака. Живёт по соседству, у Фёдора.
- Да не у Фёдора, а у Богдана, – вмешался Боян.
- У Фёдора. У Богдана собаки отродясь не было. Он кур-то извел. Куда ему собаку.
- Вот Фёдор как раз и извел. А Верка у Богдана всю жизнь жила.
- У Федора, я тебе говорю! Она Богдана за ляжку так тяпнула, когда он мешок с зерном утащить хотел, что он теперь стороной её обходит. Хоть Верка и на привязи.
- Обходит-то обходит. Только не Богдан, а Фёдор!
- Вот черт упрямый! – сердито хрюкнул Борис. – И не знает, а говорит!

– Это я-то не знаю?! Да я побольше тебя знаю. Сам черт!

– Да? У кого из нас двоих рога есть, а? Съел?!

– А-ну, перестали! – шикнула я на них. – Как дети малые!

Две пары блестящих глаз разного размера виновато уставились на меня.

– Откуда вы узнали? Сами со двора не уходите. Верка на привязи. Как?!

– Она нам через Аську передала, – мотнул рылом свин.

В памяти тут же всплыл надоедливый звук «О-оу», месенджера, которого постигло забвение лет десять тому назад. В моем мире. Но здесь всё иначе. И, хоть маловероятно было, что мы говорим об одном и том же, я всё-таки решила уточнить.

– Аська – это средство для быстрого обмена сообщениями?

– Ага.

– Работает от сети?

– Ага.

– И передаёт информацию конфиденциально, сразу адресату?

– Ну... Да.

– Ещё и звук у неё такой... надоедливый.

– Вот уж точно, – усмехнулись звери.

– Да быть не может, – удивилась я. То есть обуви с нормальной подошвой у них нет, дезодоранта, стирального порошка... А Аська есть. Несмотря на кажущуюся абсурдность

этого предположения, внутри снова затеплилась надежда, что через давно забытый мессенджер я смогу связаться с внешним миром.

– Чего ж не может? Может, – хряк ошетинился, встряхнулся и крупная, синего цвета муха тут же взлетела вверх с его спины. – Вооот. Аська. Домашнее животное.

– Аааа, – протянула, снова чувствуя себя ужасно глупо. Размечталась, тоже мне, об интернете. – Вот какое у вас устройство...

– Жжжж, – прожужжал «мессенджер» и снова примостился на спине у хряка.

– И что же она вам передала? Аська ваша, Верка...

– Верка сказала, что Фёдор однажды кому-то сказал...

– Богдан, – поправил козёл.

– Завали! Так вот... Он сказал, что баба Нюра – баба не простая. И много чего знает.

– Вот только говорить не очень-то любит про это.

– И как быть? – спросила я, когда удивление и недоверие снова сменилось надеждой. – Задобрить чем?

– Нееее, – продребезжал Боян. – Только сильнее рассердишь. С пустыми руками идти надо и чистой душой. Только так. Чует бабка всё.

– Ладно... Попробую. Куда идти, говоришь?

– Ты сейчас собралась что ль?! Сдурела? – ворчал Борька. – Разбудишь бабку среди ночи, и будешь о помощи просить? Утром иди.

– Ясно... Спасибо... Что ли...

– Пожалуйста.

Оба отскочили снова в темный угол, стоило скрипнуть входной двери. Дарёна вышла на улицу с охапкой какой-то еды и, перекусив, мы обе завалились спать абсолютно без сил.

Утром я попросила Дашу проводит меня к старухе в Гнилой угол. Рыжуля распахнула глаза.

– Зачем тебе к ней?

– Понимаешь... Она может помочь мне вернуться домой.

– Она может хворь вылечить. Вареньем угостить. Но вернуть тебя домой...

– Даш, я все понимаю. Но я должна попробовать.

– Ладно. Давай сходим, – согласилась подруга. – Только кто ж тебе про неё такое рассказал?

Я запнулась. Мало с кем из местных жителей я общалась. Да и за ночь уж явно никто бы не успел передать мне столь важную информацию. Не считая, естественно, подлинных информаторов и их «средства связи». Поэтому решила молчать, как партизан.

– Да... Случайно услышала...

– Жееееньк, – с прищуром протянула Дарёна. – Темнишь...

– Ох, ну не могу я тебе сказать.

– Почему?

– Всё равно не поверишь.

– Откуда тебе знать, что не поверю?

– Оттуда, что никто бы не поверил. И ты не поверишь.

– А ты скажи, и узнаем.

Рассказывать не хотелось совершенно. Но, поскольку об упрямстве рыжули в деревне ходили легенды, шансов у меня не было никаких.

– Ладно. Только предупреждаю сразу. Это всё очень, очень странно.

– Кажется, это слово последние несколько дней я произношу излишне часто, – хихикнула девушка. – Говори.

– Так вышло, что... Когда я попала сюда, начала понимать... о чем говорят животные.

– Нуууу я тоже иногда понимаю, что они хотят...

– Нееет, понимать, значит слышать их речь. Слова, Дарён, слова! Такие же, какие произносим мы с тобой.

– Да быть не может! – она выпучила глаза и смотрела на меня с недоверием.

– Да? – я язвительно прищурилась. – Тогда откуда я знаю, что это ты вчера на крыльце горшок разбила, а не братья? Никто же не видел?

– Никто... Борька только, да Боян...

– И Аська. Но это уже не так важно. Так что? Теперь отведёшь к старухе?

Дарёна сидела не шевелясь, укладывала в голове сказанное мною.

– Эй, Земля! Приём! – пощёлкала пальцами перед её ли-

цом.

– А? Да, да... Идём.

Большую часть пути шли молча. Потом Даша ещё немного порасспрашивала меня о том даре, который проснулся в этом месте, но отвечать на её вопросы сейчас я не могла. Не отводя глаз, я смотрела на черную тучу, которая нависла ровно над тем местом, куда мы направлялись. Насыщенный влагой газ клубился, становясь темнее, и почти не сдвигался с места. Странно, что за все дни, проведённые в Нюркином лугу, я впервые заметила это природное явление.

Подойдя ближе, чуть замедлилась в нерешительности. Что, если эта парочка ошиблась? Что, если эта самая баба Нюра никакая не особенная, а самая обыкновенная бабка? Ещё, чего доброго, примет за безумную. Или вилами ткнет. Как я поняла, она вполне на это способна.

– Поздно дрейфить, Женёк, – поддерживала я саму себя. – А вдруг это – шанс.

Дом бабы Нюры я узнала издалека. Покосившаяся на один бок избушка, которая не падала, наверно, только из-за массивной печной трубы. Потемневшие брёвна кое-где покрылись тёмно-зелёным мхом. Только свежестроенное крыльцо не вписывалось в этот памятник старины.

Что удивительно, вокруг дома росли фантастической красоты цветы, самых разных сортов и оттенков. Даже в Ботаническом саду и на агровыставках я не видела ничего подобного. Такой контраст вводил в ступор.

– Чего явились? – спросил скрипучий голос.

Следом за голосом из за раскидистого куста с белыми соцветиями к нам вышла хозяйка. Худая, сгорбленная старуха с острыми чертами лица и впалыми щеками. На ней было платье бурого цвета из грубого льна и такого же цвета платок, частично покрывающий серо-стальные волосы. Она сверкнула своими ярко-зелёными глазами, перевела взгляд с Дарёны на меня.

– Ну? Язык проглотили?

Даша будто и правда лишилась речи. Встала, как вкопанная, и молча смотрела на бабу. Я, вдохнув поглубже для храбрости, шагнула ближе.

– Простите... Мне сказали, что вы можете помочь...

Баба Нюра, не ответив, подняла небольшое ведёрко, наклонилась и вылила его содержимое под куст с белыми цветами, усыпанный ещё не высохшими капельками утренней росы.

– Мне надо уехать из деревни. Но я не знаю, как это сделать. Пробовала пробраться через заросли, но не вышло. Может, вы знаете, что может помочь?

– Люпины.

– Люпины? – удивилась я. – Мне нужно их сорвать? Посадить? Или...?

– Люпины мне не топчи. Или ты слепая? Не видишь, куда наступаешь?

Я опустила глаза и отшатнулась, поняв, что стою почти на

клумбе.

– Извините... Так... Вы мне поможете? Помогете уехать отсюда?

– Отсюда не уехать. Сама ж, поди, всё знаешь.

– Должен же быть способ...

– Может и должен. Да только нет его, – равнодушно ответила старуха, оборвав последние ниточки, за которые я цеплялась.

К глазам снова подступали слезы. Я беззвучно сотрясалась, давя их в себе и не позволяя разреветься.

– Ну как же... Ведь я же... Я должна вернуться...

Бабка вдруг вскинула голову, с прищуром посмотрела на меня и подошла, не сводя глаз с моего лица. Подойдя вплотную, нагнулась, и зрачки её расширились, почти полностью поглотив зеленую радужку.

– Иди-ка ты, Дарёна, домой. А подружка твоя позже придёт.

Даша переступила с ноги на ногу, а Нюра сказала строже:

– Иди, говорю. Не трону я твою Женьку.

Как только девушка покинула двор, старуха махнула мне рукой.

– Зайди в избу. Чую, разговор у нас будет долгий.

Внутри зашевелилась тревога. Сердце отбивало в груди сумасшедший ритм, но противиться женщине я не посмела.

– Садись, – скомандовала она и указала мне костлявым пальцем на лавку у стола.

Я села. Она поставила передо мной чашку с каким-то мутным напитком и, видя мою нерешительность, с раздражением буркнула:

– Не бойся, не отравя. Пей.

Напиток, который внешне напоминал скорее воду из лужи, на вкус был приятным, похожим на кофе. Нюра уселась напротив меня и сказала хмуро:

– Ты не местная.

– Да... Я не из вашей деревни.

– Не из нашей. И не из нашего мира. В твоём дома каменные, высокие, и железные телеги на четырёх колёсах сами ездят, – выждав паузу, продолжила: – Как сюда попала, знаешь?

– Только предполагаю...

Я рассказала ей всё, как на духу. Про печатную машинку, удар головой о стол и чудесное перемещение во двор Дарёны. Рассказала о своём даре слышать и понимать животных. Старуха слушала мои слова так, будто ничего необычного в них не было. Когда я закончила, она спокойно кивнула.

– Стало быть, ты не хотела сюда попасть?

– Нет. Конечно, нет.

– Дай сюда, – она забрала у меня из рук пустую чашку и принялась рассматривать узоры на дне, нарисованные чем-то вроде кофейной гущи. Нахмурилась сильнее. Наклонилась, всмотрелась пристальнее и вздрогнула. Впервые за недолгое знакомство я разглядела на её лице испуг.

– Домой тебе надо, милая. И поскорее.

Бабка поднялась на ноги, открыла сундук в углу, из него вытащила сундучок поменьше и, откинув крышку, достала оттуда мешочек.

– Что? Что вы увидели? – спросила я еле слышно. Стук моего перепуганного сердца сейчас и то звучал громче.

– Гибель. Смерть страшную, кровавую. Уходи, пока не поздно.

Успокоила, называется. Так себе психолог, я вам скажу.

– Я... Умру?

Она ещё порылась в своей сокровищнице, достала из неё свёрток. Подошла ко мне, сунула мне всё это в дрожащие руки и сказала твёрдо:

– Коли сделаешь так, как я скажу, вернёшься домой целой и невредимой. А если нет...

– Я всё сделаю! Всё-всё!

– Это, – она подняла свёрток. – Карта. По ней дойдешь до Зелёного холма. Там живёт колдун, Добромир. Скажешь, что от меня, карту покажешь, а уж он тебя домой переправит.

– А вы не можете?

– Чтобы такие дела совершать, трава нужна особая. Здесь такая не растет. Это, – потрепала пальцами мешочек перед моим лицом. – Чтобы через лес пройти. Насыпь семян на ладошку, бросай себе под ноги и иди. Лес сам перед тобою расступится. Где мельница, знаешь?

– Знаю.

– Ночью, перед рассветом туда придёшь, к самому лесу, и всё сделаешь. Да смотри, до первых петухов успеешь. Не успеешь, останешься здесь – один у меня такой мешочек остался. Тогда и сама погибнешь и других за собой потянешь. Бойня будет страшная, кровавая. А ты в самом центре её окажешься.

– Мамочки... – тихо шепнула я, неживая.

– Да смотри, никому ни слова. С собой никого не бери и о том, что сказала тебе, молчи. Иначе всех погубишь.

– Хорошо. Я поняла.

– Ступай, милая.

Я поднялась из-за стола, переставляла одну за одной ватные ноги и продвигалась к выходу.

– Подожди, – остановила меня Нюра, выудила из сундука бутылёк и протянула мне. – Вот ещё, держи. На всякий случай. Снадобье специальное. Любому язык развяжет. Две капли добавь в напиток и спрашивай. Только не переборщи, а-то всякое может случиться.

– Спасибо вам.

Старуха долго смотрела мне вслед, пока за изгибом дороги не скрылся её дом и двор с цветами. Прийти в себя не получалось очень долго. Я шла по дороге, крепко сжимая в руках данные мне бабой Нюрой вещи, и пыталась переварить всё, что услышала. Мне было страшно. Очень. Так, что зубы сводило.

Но самое главное, что теперь у меня в руках был ключ к

спасению. Осталось только выполнить всё безукоризненно. И молчать. Пусть Дарёна хоть пытается меня, ни слова не скажу. Ради её же блага. Блага её семьи, всей деревни и моего собственного. В тёмном туннеле, по которому я пробиралась все эти дни, наконец, забрезжил лучик света.

– Я выберусь. Вернусь домой. Должна вернуться.

Расправив плечи, я твёрже зашагала вперёд. Должна вернуться. И вернусь. Во что бы то ни стало.

Глава 8. «Побег»

Сложно сказать, сколько времени я провела в доме у старухи. Мне казалось, не больше получаса, но послеполуденные тени говорили, что гораздо дольше

До дома Дарёны я тоже дошла не быстро. Во-первых, до него было далеко. А во-вторых, даже будучи вдохновленной надеждой выбраться отсюда, всё равно ощущала одеревеневшие от паники мышцы, а в голове крупной надписью мигали слова бабы Нюры: «Гибель». Тряхнула головой, выбрасывая из неё дурные мысли, но они упрямо возвращались обратно в черепушку. «Бойня будет страшная, кровавая. А ты в самом центре её окажешься» – тут же проплыли перед глазами картинки из школьных учебников о Второй мировой войне. Дрожь пробежала по спине.

– Тоже мне. Нашла вояку.

Решив, что бабка могла и приукрасить реальность, я постепенно обретала спокойствие. Не то, чтобы мне удалось полностью успокоиться, но сердце теперь стало колотиться чуть медленнее, а дыхание принимало привычный ритм.

– Всё будет хорошо. Всё точно будет хорошо. Потому что иначе быть не может, – настраивала я себя. – Не смей думать о плохом!

У знакомого забора издалека разглядела суету. Две рыжие женщины о чем-то оживлённо спорили на повышенных то-

нах. Дарёна кричала что-то матери, та отвечала с не меньшим напором. В конце концов, дочь сорвалась с места и рванула в противоположном от меня направлении.

— А-ну, стой, паразитка! — крикнула Ульяна и бросилась по следам беглянки.

Ещё ничего не понимая, я побежала следом. Дарёна, для которой такие марш-броски были привычным делом, улепетала на сотню метров вперёд и, не сбавляя темп, драпала от матери. Ульяна же старалась не слишком отставать и умудрялась, не сбив дыхание, кричать ругательства в спину стрелкозе.

— Вот я тебя поймаю... Ну ты попляшешь у меня, Дашка! Так крапивою отхожу, весь зад волдырями пойдет!

Скорость, с которой удалялась рыжуля, говорила о том, что между двумя родственниками произошло что-то серьёзное. И меня это немало тревожило.

Почти выплёвывая легкие, я добежала вместе с этими двумя до конца деревни. Даша всё так же бодро бежала к мельнице, Ульяна следом, а я тащилась позади всех. По возвращении надо бы почаще появляться в зале, а-то даже стыдно за свою физическую форму. На фоне Даши и её мамы я выгляжу, как старое, полуразвалившееся барахло.

Добежав до местной высотки, Дарья схватила лестницу, приставила её к стенке и, ловко поднявшись наверх, юркнула в окно. Перегнулась наружу, кряхтя втащила лестницу внутрь и с улыбкой победителя смотрела на мать.

– Выходи!

– Неа, – дразнилась рыжая.

– Выходи! Хуже будет!

– Нет, сказала! – крикнула Дарёна. – И Васька мне никакой не нужен!

– Выйдешь, как миленькая!

– Сама за него и иди, раз он тебе так нравится.

– Тьфу, зараза! – рассердилась Ульяна. – А вот тогда и сиди там. Утром Василий приедет и выдадим тебя за него прямо здесь. Может, хоть дурь из тебя за ночь повыйдет.

Ульяна дернула входную дверь. Та не поддавалась, и женщина прижала её доской, лишая Дарёну шанса открыться изнутри.

– Запирай, запирай! Только я всё равно сбегу, – кричала рыжая матери, а голос её срывался от обиды.

– Тимофей! – крикнула Ульяна мельника, показавшегося чуть вдалеке с мешком. – Подержи здесь эту пиявку. Пусть до утра подумает.

Тимофей глянул на окно, на хмурую моську Дарёны, потом перевёл взгляд на мать.

– О чём же думать-то? – спросил он с сомнением.

– О том, что жизнь свою губит и сама того не понимает. Завтра жених приедет. Молодой, с достатком, а она нос воротит.

– Да сволочь твой Василий! – кричала со слезами Даша. – А ты дочь родную ему отдаёшь! Не жалко?!

– А тебе все плохие! – рывкнула Ульяна. – Одна ты хорошая. И жалко тебя, потому что глупая! Да на тебя уже полдеревни косо смотрит. Болтают не весть что, а ты всё бегаешь!

Мельник почесал бороду, что-то прикидывая своей лохматой головой, потом кивнул Ульяне. Просунул железный прут в дужки замка и согнул, окончательно обрывая для Даши последнюю ниточку к спасению.

– Вот спасибо, Тимофей. Вот спасибо, – причитала Ульяна. – Смотри, чтобы через окно не сбежала.

– Не сбежит, – мужчина бросил под окно тюк соломы и уселся на него.

– Предатель! – зло зашипела на него Дарья и скрылась в оконном проёме.

– Идем, милая, – позвала меня Ульяна. – Идем домой.

Я долго оборачивалась на мельницу, высматривала в окне силуэт подруги, но видела лишь тёмный прямоугольник, да крупную фигуру Тимофея, стерегущую пленницу.

Было безумно больно за Дарёну. За ту неделю, что я провела рядом с ней, выслушала столько историй, как мать пыталась выдать её за «выгодного» человека. Ульяна абсолютно искренне считала, что тем самым осчастливит дочь, сделает её жизнь лучше. На деле же, для своевольной и свободолюбивой Дарёны брак, а тем более с нелюбимым человеком, был подобен смерти.

Первым моим порывом было помочь ей сбежать с мельницы. Спрятаться. Взять с собой и увести из деревни. Но всё

те же слова, сказанные старухой в Гнилом углу, меня отрезвили – «Да смотри, никому ни слова. С собой никого не бери и о том, что сказала тебе, молчи. Иначе всех погубишь».

Всё ясно. Выхода нет ни у меня, ни у Дарёны. И если для неё это лишь вопрос времени – не завтра, значит в другой день мать настоит на своём и строптивую девицу-таки нарядят в подвенечное платье и выдадут за первого встречного, кто не испугается её нрава. Может, тот самый Васька и не слишком уж плохой вариант.

Для меня же промедление было невозможным. До рассвета. До первых петухов. А то, что Дашка осталась запертой на мельнице, избавляло меня от необходимости что-то ей объяснять. Родители и братья не заметят, что я уйду, а те двое, с копытами, во дворе – и подавно.

Убедив себя в собственной правоте, я улеглась на периноу, заменявшую мне постель. Несколько раз за ночь просыпалась, боясь пропустить нужный момент. И, из этих соображений, собрала вещи в заплечный мешок, кое-какие продукты, кожух с водой и вышла в глухую ночь.

Деревня безмятежно спала под тёмно-синим покрывалом, украшенным крошечными искорками. Странное затишье было вокруг. Даже собаки не лаяли. Только трескотня сверчков сопровождала весь мой путь до мельницы.

Всеми силами я старалась глушить в себе угрызения совести. Ушла. Ничего не сказав. Не попрощавшись. Не поблагодарив. Не помогла, тогда как Дарёна только этим в послед-

ние дни и занималась. Какой я после этого друг? Правильно, никакой.

– Ну чем я ей помогу? Чем? – шептала я самой себе. – Ничем. Я здесь чужая. Гостья. Не могу же я вмешиваться в привычный им уклад...

Незаметно для самой себя дошла до конца деревни. Вот и дорога к мельнице. Туда, где сидит рыжая, ожидая завтрашней «казни».

– Отвлечь Тимофея? Пусть сбежит. А дальше...? Ведь за мной увяжется. Точно. Не отпустит или вопросы задавать начнёт. Нельзя. Нельзя никак. Для её же блага. И всей деревни.

Я шмыгнула носом и старалась не поворачивать головы в сторону мельницы, боясь увидеть подругу в темном окне. Боясь, что совесть загрызет заживо.

– Я права. Я всё делаю правильно!

Стало чуть легче, когда за зеленой порослью скрылось деревянное строение. Тёмной дорогой я пробиралась к лесу. Только изогнутый рогалик на небе освещал мне путь.

Наконец, я остановилась у леса. У тех самых колючих кустов, в схватке с которыми проиграла с позором неделю назад.

– Ну... Попробуем...

Достала из-за пазухи мешочек, данный мне бабой Нюрой, развязала бечёвку и насыпала на ладонь зерна, похожие на овес. Бросила перед собой и ждала, что случится. Но ничего

не происходило.

– Может, сказать что-то надо? Расступись! – скомандовала я лесу, сделала пасы руками, но он лишь продолжил шелестеть на ветру. – Напутала что-то старуха... Или из ума выжила...

Я сделала шаг вперёд, и ветви кустов шевельнулись отчетливее.

– Что за...?

Ещё шаг в сторону «изгороди». Затрещала древесина, зашуршали листья и в плотном непролазном массиве появилась лазейка. Я насыпала ещё немного зёрен, бросила перед собой, наступила и, чем дальше шла, посыпая тропу семенами из мешочка, тем шире и быстрее расступался передо мной лес.

Небо начало озаряться розоватым оттенком, предвещая скорый восход. Сквозь густые заросли впереди я увидела просвет. Прошла. Почти прошла. Высыпав последнюю горсть семян на землю, наступила, слыша как лопаются их панцири под подошвой кожаных тапочек, выскочила из леса на просторную местность. Вдохнула радостно полной грудью.

Неужели! Неужели, у меня получилось!

Первые лучики Солнца показались впереди, а из деревни донесся крик петуха. Лес позади меня тут же зашелестел, закрывая проход кустами с огромными колючками. Я обернулась, чтобы напоследок посмотреть и мысленно попрощаться.

ся с этим чудесным местом, и остолбенела.

На фоне смыкающегося зелёного забора, по эту сторону от деревни стояли четверо. Дарёна. Тимофей. Борис, розовый хряк, и бородатый Боян. Нюркин луг остался за их спинами, а лес наглухо сомкнулся, лишая всех нас возможности вернуться.

– Жжжж, – прожужжал местный мессенджер.

А нет, пятеро.

Я зажмурила глаза, ощущая всем телом, что случилась какая-то хрень.

Глава 9. «Одуванчики»

– Вы что здесь делаете? – в изумлении спросила я у тех, что стояли передо мной на двух ногах. После шока, внутри меня начинала с сумасшедшей скоростью разрастаться злость.

– Я... Увидела тебя на дороге, вылезла через окно и пошла следом. А этот, – Дарёна указала пальцем на Тимофея, – не знаю, зачем он за мной потащился.

– Я матери твоей обещал тебя стеречь.

– Так что ж не устерёг-то?! – сощурилась девчонка. – Дрых, как сурок.

– А нечего было песни заунывные петь, – обиженно буркнул Тимофей.

– Господи, ну зачем?! – в отчаянии завывала я, запрокинув голову. – Зачем вы за мной пошли?! Вы хоть понимаете, что наделали?!

Четыре пары квадратных глаз, не отрываясь смотрели на меня и не мигали. Даже мелкая жужжалка уставилась своими фасетками.

– Что?! Ну что вы смотрите?!

– Жень, ты чего? – робко спросила Дарёна.

Вместо ответа я только закрыла лицо ладошками и мотала головой, представляя в мозгу картинку нашего возможного будущего, предречённого бабой Нюрой.

– Вы хоть понимаете, что не сможете вернуться обратно? – спросила я их, желая, чтобы каждый осознал свою оплошность. Но рыжая только передернула плечами.

– А зачем мне обратно? Чтобы замуж выдали меня без моего согласия? Жить всю жизнь и плевать? Не хочу. Уж лучше в лесу поселиться. Или по миру путешествовать. Как пойдет.

С этой понятно. Весь максимализм, который в ней плещется, не позволит переубедить эту своевольную гордячку.

– А ты? – спросила я Тимофея. – Или тебя тоже женить насильно собрались?

– Нет, – он усмехнулся в усы и тут же нахмурился, искоса посмотрев на Дарёну. – Меня её родители со свету сживут теперь.

Это да. Эти могут. Особенно, Ульяна. Да и отец, который по габаритам был примерно таким же, как Тимофей, только сильно старше, явно бы не обрадовался пропаже дочери, оставленной под личную ответственность мельника.

– Ладно... У вас какие причины? – обратилась я к парнокопытным.

– Самые, что ни на есть веские, – хрюкнул Борис. – Меня Ульяна из-за скорой свадьбы заколоть решила. Так что мне там оставаться никак нельзя было.

– А если не он, то я, – добавил рогатый. – Да и не мог же я друга одного бросить.

– А за мной-то вы зачем потащились?!

Борис снова хрюкнул и усмехнулся:

– Так ты бы еще громче собиралась. Шуршала там, чуть полдеревни не перебудила своими сборами. Вот мы за тобой и пошли. Посмотреть, куда намылилась.

Я несколько раз глубоко вздохнула, успокаиваясь и приводя нервы в порядок. Вид всей пятерки становился все более виноватым и растерянным. Ну, кроме Тимофея. Он смотрел на меня недоумевающе после моей беседы со скотиной.

– Что делать-то с вами теперь? – спросила скорее саму себя.

Дарёна в ответ сложила руки на груди и посмотрела на меня сердито.

– А ты куда это собралась? М? Одна. Ночью.

Я в ответ замялась. Стоит им рассказать? Раз уж так вышло. Нет? Вот когда пожалеешь, что под рукой нет интернета, чтобы написать бабе Нюре и скачать обновления к её предсказанию с учётом появившихся обстоятельств.

– Мне подсказали способ вернуться домой. Больше ничего не могу сказать, извини.

– И как вернуться? – оживилась Дарёна. – Баба Нюра сказала, да? Это волшебство, да?

– Даш, не пытай! Не могу я сказать.

– Ну куда хоть пойдешь?

– К колдуну, который на Зелёном холме живёт.

– Ого. А далеко идти?

– Не знаю. Старуха вот карту дала, – я развернула свер-

ток, впервые за все время принялась изучать его. Присвистнула. – Это не далеко. Это капец как далеко.

– Тогда чего стоим? – с привычным энтузиазмом, рыжуга шагнула в противоположную от деревни сторону.

– А ты куда?

– С тобой. Не могу же я тебя одну отпустить. Провожу, а там видно будет, как дальше быть.

– Но ведь так... – хотела было поспорить я, но девушка бодрой походкой пошла мимо меня вперёд. Тимофеем двинулся следом.

– И ты тоже? – округлила я глаза, дернула его за рукав.

– Девочек одних в лесу бросить? Разве можно? – он добродушно помотал головой и спокойным шагом пошёл догонять Дашу.

Хряк и козел перебросились многозначительными взглядами и тоже поспешили за остальными. Аська молча ехала на щетинистой спине Бориса.

– Эй, отряд самоубийц, – крикнула я. Друзья обернулись. – Нам в другую сторону.

Вереница моих провожатых так же гуськом развернулись, снова прошли мимо меня и двинулись в нужном направлении. Я задумчиво поплелась следом.

Мысли разрывали меня на части. Конечно, я хорошо помнила, что сказала старуха. Конечно, это по-прежнему меня беспокоило. Но какой у меня был выход? Оставить их здесь? На безлюдной поляне? Не ясно, как близко были расположе-

ны другие населённые пункты, да и были ли они. На карте, что дала мне Нюра, они указаны не были.

Тревога за свою судьбу, судьбу друзей сменялась радостью от того, что мне не придется ковылять в одиночку неизвестно сколько по абсолютно незнакомому мне лесу. Учитывая полную неспособность ориентироваться на местности. Да и присутствие рядом сильного мужчины, честно говоря, неслабо успокаивало.

Когда я уходила ночью из дома Дарёны, я даже не думала о том, что буду делать, выйдя за пределы деревни. Куда важнее было преодолеть те заросли. Но вот, они позади. А впереди дорога длиною в несколько сотен километров. Нехило.

Я старалась убедить себя в том, что пророчество старухи – всего лишь один из возможных вариантов развития событий. Человек сам творит свою судьбу. А все эти предсказатели... Только воду мутят. Разберемся по ходу пьесы.

Дарёна без умолку что-то говорила. Постоянно спрашивала меня о моём даре:

- А сейчас что они говорят?
- Сейчас ничего.
- А до этого о чем говорили?
- Козёл говорил, что хочет есть, а свин его проглотом назвал с бездонным желудком.
- А Боян? Ответил что-то?
- Сказал, что у Бориса бока висят по обе стороны и «кто ещё тут проглот», – ответила я, имитируя голос козла.

Девушка рассмеялась.

– Надо же. А вроде просто «ме», да «ме».

Тимофей шёл чуть впереди, обламывая ветки, чтобы те не хлестали в лицо позади идущих, оглядывался по сторонам и пытался найти хоть какую-то тропу. Тропы не было. А, поскольку даже Тимофей кроме родного села других лесов не видел, то и ему приходилось сложно.

Впереди забрезжил свет. Густой зелёный массив сменился полем. Боян радостно углубился в траву, наклонился, выискивая для себя деликатес. Полевые цветы заколыхались, а хвост рогатого, как плавник акулы, рассекал среди зарослей, создавая волны.

– Добрался, доходяга. На полдня теперь тут застрянем, – ворчливо мотнул пяточком хряк.

Боян вдруг захрипел, закашлялся и тараном поскакал в нашу сторону.

– Кхееее... Кхееее... – вырывалось из его горла.

Мы все заметно напряглись.

– Что? Что случилось?

– Ааа... Ааа... – протянул он и снова закашлялся.

– Да что?! Ну? – с беспокойством заглядывал в его бегающие зрачки Борис. – Мышь? Змея? Кузнечик?

Глаза Бояна расширились, но он помотал мордой и выдал из себя:

– Аааа... Ааа... Адуванчики!

– Тьфу! – сплюнул хряк. – Ты зачем их ел, дурень?! По-

пить ему надо. Воды дайте. У этого чудика аллергия на одуванчики, а он их жрёт всё равно.

Дарёна, всё это время молча смотревшая то на меня, то на зверей, белела при виде задыхающегося существа.

– Жень, что там случилось?

– Ты знала, что у твоего козла аллергия на одуванчики?

– Алле... Что? – спросила она.

– Ясно... Воды ему надо. А у меня закончилась вся. У вас...? – вспомнив, что мои попутчики вообще не брали с собой ничего, мысленно ругнулась.

Боян захрипел сильнее. Даша визгнула, сдернула с моего пояса привязанную склянку, которую дала мне баба Нюра, быстро откупорила и сунула горлышко в рот Бояну.

– Пей, пей Боянушка...

– Дааашааа, – протянула я в испуге, но было поздно.

Боян сделал два больших глотка, успокоился и обмяк на руках у Дарьи.

– Двинусь я скоро с этим симулянтom. Оставил хоть воды-то?! В горле из-за тебя пересохло, – проворчал хряк, приложился пятаком к бутылку в руках рыжей и, зажав его мелкими зубами, опрокинул остатки себе в рот. – Ууух, хорошо.

– Кто это сказал? – ошеломлённо спросила Даша.

– Что сказал? – переспросила я.

– Что хорошо. Голосом таким... скрипучим.

Мы с Борькой переглянулись.

– Скажи ещё что-нибудь, – сказала я хряку.

Тот задумался на секунду, потом покосился на «умирающего» Бояна и с ухмылкой сказал:

– Козёл сер, козёл сед, а все псиной несет.

– Это от кого ещё несёёёт! – внезапно ожил рогатый, а Дарёна от неожиданности отпустила руки и больной шмякнулся о землю.

– Говорящие! – испуганно пробормотала она. – И в самом деле, говорящие!

– Ты тоже их понимаешь? – удивилась я.

– И я понимаю, – отозвался позади всех нас Тимофей и смотрел в оцепенении на двух теперь уже молчаливых животных.

– Охренеть, бутылочка сработала, – догадалась я, поднимая склянку.

– К-к-какая бу-утылочка?

– Нюра дала. На всякий пожарный. Сказала, снадобье специальное, кому хочешь язык развяжет. Вот и развязало...

Несколько минут мы тупо таращились друг на друга и на не менее изумленных зверей. Только Аська все так же невозмутимо мыла свои малюсенькие лапки, сидя на тёплой свиной шее.

– Идём. Ночь скоро, – сказала я, как человек, который к таким явлениям успел хоть немного привыкнуть.

Все четверо послушно отправились дальше. Пятеро, то есть. Хряк с козлом молчали, только переглядываясь. Остальные тоже обдумывали что-то про себя.

Когда спустились сумерки, идти стало сложнее. Но, так как местность была сырой, болотистой, остаться здесь на ночлег было едва ли возможно. Решено было выйти на сухую, твёрдую почву, разжечь костер и там заночевать. Но сколько именно идти дотуда, мы, разумеется не знали. Поэтому, стиснув зубы, сжав кулаки, у кого они были, продвигались дальше сквозь сырую листву по чвякающим кочкам.

И без того шаткое положение усугубила плотная стена тумана, окутавшая всё вокруг. Не было видно даже пальцев на собственной вытянутой руке. Ухватившись крепче друг за друга, мы продолжали двигаться в надежде не заплутать в этой непроглядной молочной дымке. Точь-в-точь как на празднике, хороводом шли, ступая след в след. Тимофеем, за ним я, Дарёна и, ухватив её за подол, Боян. Замыкал Борька.

Почва ощутимо затвердела, но при этом стала скользкой. Ночная влага ложилась на глину, от чего ноги то и дело норовили разъехаться в разные стороны. Где-то сверху раздался пронзительный визг какой-то ночной птицы. Козёл мекнул от страха. Испугался ещё больше от того, что упустил Дарёнина подол, попытался поймать вслепую, но цапнул бедняжку за ногу.

– Ай-ай-ай! – завизжала девушка, качнулась, толкнула меня.

Я не устояла на скользкой поверхности, навалилась всем телом на спину Тимофея. Он, не ожидая, накренился, взмахнул в воздухе свободной рукой и начал падать куда-то вле-

рѣд. В овраг! Откуда он здесь взялся?! Соскальзывая в него, руки мельник не расцепил. Я полетела следом на нем на скользкую глину, увлекая за собой Дарѣну, она – Бояна. Самым последним, с истеричным визгом скатывался Борис.

Глава 10. «Хижина в лесу»

– Ааааа! – вопила я во всё горло, сползая на скорости по скользким «американским горкам» в неизвестность. Сквозь плотный, непроглядный туман сложно было определить высоту оврага. Но скорость, с которой наш паровозик спускался вниз и, кажется, куда-то вбок, увеличивалась с каждой секундой.

– Мы умрём! – верещал Боян откуда-то сзади.

Наконец, «локомотив» в виде Тимофея начал понемногу замедляться, а угол наклона уменьшился. Остановились. Судя по всему, на какой-то поляне.

Один за другим мы начали подниматься на ноги. Все перепачканные в глине с головы до ног, мокрые и жалкие.

– И где мы теперь оказались? – спросила я, вглядываясь в туман, который за время нашей поездки не стал более прозрачным.

– Да я уж давно не знаю, где мы, – отозвался Тимофей.

– Таааак, отличное начало, – я начинала паниковать, но старалась сдерживать эмоции. – И что нам делать теперь?!

– Идём дальше? – предложила Дарёна. – Здесь лагерь разбить всё равно не получится.

Рыжая пару раз переступила с ноги на ногу, и хлюпающие звуки под подошвой подтвердили её выводы.

– Сперва устроим переключку. Не видно ни черта в этом

тумане, – предложила я. – Дарёна здесь. Один. Тимофей...

Мои слова были встречены скромным «угу».

– Два. Боян? – позвала козла. – Боян!

– Мееееня подождите.

– Три. Борис?

– Здесь я.

– Четыре. Все.

– Жжжж, – прожужжала Аська.

– А, да. Пять. Идём и стараемся держаться друг за другом. Только осторожно! Чтобы снова куда-нибудь не упасть.

Часа через два туман, наконец, начал постепенно рассеиваться. Я подняла голову в надежде, что сумею по звездам определить направление. Наивная, да. Знаю. Но даже если бы умела это делать, не смогла. Небо сплошь было покрыто тёмными облаками.

– Идём дальше? – уныло спросила я уставших друзей. – Хоть туман рассеялся, не потеряем друг друга. Да и идти попроще.

Стоило мне это произнести, в ночном небе загрохотали первые раскаты. Над лесом сверкнула электрическая дуга, осветившая долину на несколько километров, а следом начался дождь. По ощущениям – тропический.

– Ну клааасс, – только и сказала я, с трудом удерживая в себе нецензурные слова.

Идти стало не проще. Скорее, наоборот. Хлюпало под ногами теперь ещё сильнее. Одежда враз промокла, подол при-

липал к ногам, замедляя и без того не быстрое продвижение. В обувь то и дело набиралась вода. Волосы болтались сосульками. Становилось холодно.

– Зато помылись, правда? – сказала Дарёна, но её «радостному» тону верить не получалось. Хотя одежда и правда стала гораздо чище.

Вымочив нас до костей, стихия смилостивилась, и дождь прекратился. По ощущениям, была уже ночь. Часов двенадцать, примерно. Или чуть больше.

Пройдя чуть вперёд, Тимофей задумчиво притормозил. Огляделся. Топнул. Прошёл ещё немного и прислушался.

– Там река, – указал он пальцем перед собой. И правда, в тишине ночного леса отчётливо слышался плеск воды. – Идём.

Минут через десять мы пробрались сквозь мокрые заросли к берегу небольшой лесной реки. Проверив берег, мельник резюмировал:

– Можем остаться здесь на ночлег. Завтра подумаем, что делать и куда идти.

Спорить никто не стал. И пусть непонятно было, как и с помощью чего мы сможем разжечь костёр, с учётом того, что всё вокруг вымочил ливень, идти дальше попросту не было сил.

Мы усадились на единственное, что было сухим – мой махровый халат, который я тащила на всякий случай в заплечном мешке. Достала два оставшихся куска хлеба, разделила

на пятерых. На шестерых, то есть. И, молча, молотя челюстями скудный ужин, каждый обдумывал положение и пути выхода из него.

– Интересно, в этой реке живут русалки? – спросил задумчиво козёл, глядя на речушку, которая в ширину была всего каких-то три метра.

– Пиявки в ней живут, – проворчал Борис. – Сходи, испу-
пайся.

– Вот сам и иди.

Боян обиженно отвернулся, затолкал в рот свой последний кусочек хлеба и пристроился калачиком спать.

Интересная подобралась компания. Я по одному оглядела каждого.

Дарёна. Неунывающая, бойкая. Пожалуй, не из пугливых. За всё время недолгого пути, пока ни разу не проявила себя, как нытик. Шагала чуть не впереди всех во мрак ночного леса.

Тимофей. Примерно моего возраста. Хоть и казался мне старше из-за густой, пшеничного цвета растительности на лице и лохматой головы. Но такая уж мода в Нюркином лугу. Молчаливый и выносливый. И, видимо, с ноткой благородства, раз попёрся в лес за нами.

Боян. Пугливый, болтливый, ершистый. Вот те самые главные три качества, формирующие образ этого рогатого существа. И, тем не менее, его нежелание бросить друга на произвол судьбы, произвели на меня сильное впечатление.

Борис. Самый ворчливый в нашей компании. Но, хоть ему из-за своего веса и длины ног идти было сложнее всех, не сбавлял шаг и шёл наравне с нами. Пусть и бухтел, чаще цепляя козла по пустякам.

– Жжжж, – снова прожужжала муха, видимо, желая нам всем спокойной ночи.

Про эту загадочную особу знаю пока мало. И периодически забываю, что она тоже с нами.

– Что это? – сказала я, разглядев примятую траву в стороне, противоположной от той, откуда мы пришли. – Это тропа! Смотрите! Тропа!

Я соскочила на ноги, подбежала ближе, и грудь стала вздыматься чаще от волнения. Тропа! Здесь и правда была тропа! В глухом, непроходимом лесу!

– Значит, рядом есть люди! Идем скорее!

Не помня себя от радости, я неслась по тропинке, боясь потерять её в темноте. Моя команда попевала сзади. С берега реки, дорожка вела в лес, но и там её границы были видны отчетливо. Не может быть!

Я замерла, всё ещё не веря, когда на лесной поляне увидела дом. Небольшое строение на высоком каменном фундаменте, вплотную прижатое к скалистому отвесному склону. Всё тот же бревенчатый сруб, что и в Нюркином лугу, всё та же двускатная крыша. Узкая дощатая терраса вдоль всей лицевой стены. И чёрные глазницы окон, отражающие свет подвешенной под потолком масляной лампы.

– Интересно, кто здесь живёт? – спросила с любопытством Дарёна.

– Чёрный лесник, – прошипел козёл страшным голосом, после чего мы все медленно повернулись к нему. – Мне дед рассказывал...

– Уууу, началось... – хрюкнул Борька.

– Что рассказывал? – так же тихо прошептала рыжая.

– Про чёрного лесника. Живёт он в лесу, живёт. Путников встречает. Кормит, поит. Усыпляет бдительность. А потом их волкам скармливает! Живьём!

Почему-то в памяти всплыла песня «Лесник» всё тех же Короля и Шута, и по спине протоптались мурашки. Непроизвольно покосилась на тускло освещенное крыльцо. Мог ли в этом доме жить кто-то подобный?

Огляделась. Поймала себя на мысли, что ищу взглядом человеческие кости.

– Бред какой-то, – сказала вслух. – Детские страшилки.

И уверенной поступью приближалась к дому. Остановилась у двери. Вздохнула, прогоняя остатки волнения и постучала по крепкому дереву.

– Эй, есть кто дома?

Тишина. Друзья тем временем тоже поднялись на крыльцо. Только Боян дольше остальных замешкался внизу. Я постучала ещё раз. Нет ответа.

– Отойди-ка, – Тимофей сдвинул нас в сторону, толкнул дверь и та тихо отворилась. Он нырнул в темное помещение,

пару минут шуршал внутри, затем вышел к нам. – Пусто. Нет никого. Видать, вышел хозяин.

– Ага... Кости прятать, – срывающимся голосом мекнул Боян.

– Да ну тебя! – выругался на него хряк.

Тимофей поджёг лучину от лампы, снова шагнул в хижину, поставил горящую деревяшку в светцы на стене, и небольшое помещение озарилось тёплым оранжевым светом.

Комната была небольшой. В центре стоял массивный стол и две лавки по обе стороны от него. У одной из стен – камин, окантованный серым камнем. Пара сундуков, что-то похожее на шкаф и деревянная лестница в углу, ведущая на спальное место под потолком. На одной из стен я увидела лук, колчан со стрелами, какие-то инструменты. В ящике из досок под всем этим лежали разного калибра капканы.

– Здесь живёт охотник... Скорее всего, – произнесла я вслух.

– Да, я уже понял, – испуганно пробормотал Боян.

Я обернулась. Рогатый, как замороженный смотрел на голову какого-то горного козла, висящую над камином. Признаться, мне и самой от этого зрелища стало немного жутко.

– Горячий ещё, – Тимофей подержал раскрытую ладонь над угольками в камине и поднялся. – Можно затопить, просушить одежду, погреться.

– Хозяинничать в чудом доме? Без хозяина? – спросила

Дарёна недоверчиво.

– Ну не прогонят же нас. Кем надо быть, чтобы путников ночью за дверь выставить.

– Не знаю, не знаю...

– Посмотрю, есть ли дрова.

Мужчина вышел на улицу, вернулся через несколько минут и развел руками.

– Дров нет. Соберу хворост. Хотя ненадолго хватит.

– Ты нас тут одних бросить хочешь? – почти хором сказали мы все.

– Да я быстро. Рядом буду.

И широкая спина мельника снова скрылась за массивной дверью хижины.

– А мне вот дед рассказывал, – начал Боян загадочным шепотом. – Про чёрного охотника...

– Может не надо, а? – взмолилась Дарёна, но козёл уже раскочегарился.

– Жил в лесу чёрный охотник. Все его лачугу стороной обходили. Но вот, зашли к нему на ночлег путники. Он их за стол усадил, да спать пошёл на чердак. А как полночь наступила, превратился в зверя. Не то волка, не то медведя. И разодрал всех пятерых. А косточки в лесу закопал.

И снова старый добрый Король и Шут. Песня про охотника Себастьяна. Либо дед Бояна был подлинным автором песен, либо кто-то из лидеров группы тоже когда-то побывал в этом мире. Ну или просто совпадение.

– А добрые сказки тебе дед рассказывал? – съязвил свин. – Ему бы книжки по педагогике почитать что ли.

«Скриииип», – зловеще раздалось снаружи. Мы синхронно обернулись к двери. В окнах мелькнула тень и доски на крыльце снова заскрипели: «Скриииип».

– Мамочки! – прошептала еле слышно Дарёна. – Чёрный охотник!

– Или лесник, – подливал Боян масла в костёр ужаса.

– Да что вы, блин, городите! – рассердилась я и вскочила на ноги. – Это, наверняка, Тимофей пришёл с дровами.

Уверенная в своей версии, я пошла к двери провожаемая испуганными взглядами друзей. Открыла дверь, сделала шаг за порог и тут же застыла на месте. Грубый мужской голос спросил из темноты:

– Вы кто такие?

Я сглотнула, ощущая, как моего горла коснулось ледяное острие топора.

Глава 11. «Себастьян»

Лица незнакомца, державшего топор у моей шеи, я не видела. Но по стальным ноткам в его голосе, поняла, что шутить он не намерен. Да и кто бы стал на его месте, когда ночью к нему в дом пробралась непонятная шайка. То, что передо мной именно хозяин лачуги, я почему-то не сомневалась. Было ясно – рыпнусь, и топор тут же намертво пригвоздит меня к дверному полотну, а моя дурная голова весело поскачет вниз по ступеням крыльца. И, пожалуй, это единственное, что будет весёлого во всей этой ситуации.

– Мы заблудились, – выдавила я из себя и снова сглотнула.

– Сколько вас? – снова спросил из темноты голос.

– Шесть, – выпалила на автомате, а потом включился мозг. – То есть, трое.

– Почему я вижу двоих? Или тебя считать не учили?

Сбоку из темноты ко мне вышел мужчина. Чуть выше меня ростом. Не слишком крупный, скорее даже худой. Тусклый свет лампы лишь слегка освещал его лицо, от чего острые черты казались ещё более заточенными. Он недружелюбно посмотрел на меня из-под бровей, бросил взгляд на остальных через моё плечо и снова перевел глаза на меня.

Я совершенно не знала, стоит ли говорить правду о Тимофее. Если этот человек решит нам навредить, то могучий мельник будет нашим единственным шансом на спасение.

Поэтому решила врать напрапалу.

– Двое. Взрослых. И ребенок. Спит вон там, – стараясь не шевелить головой, чтобы топор не распорол кожу, указала рукой на Дарёну, державшую смотанный кульком мой махровый халат.

– Уаааа, – узнала я голос Бояна. Надеюсь, мужчина передо мной не часто видел детей, потому как на плач ребенка этот блеющий фальцет похож уж точно не был.

– Какого беса вы забыли в лесу? Таким составом.

– В гости шли, – продолжала бесстыже врать я. – Решили срезать. А там туман... И дождь... Мы промокли, потом в овраг свалились... То есть, наоборот... Сначала свалились, потом промокли... Потом к реке вышли, а там тропа... И вот. Не убивайте нас, пожалуйста.

Выпалив охотнику полуправду, я выдохнула. И ждала. Мужчина ещё раз перевел взгляд на до смерти напуганных друзей, на меня, словно проверяя правдивость моих слов. Качнул головой и убрал топор от моей шеи.

– Что ж я, изверг что ли, по-твоему? Женщин и детей убивать.

Замершее сердце, наконец вспомнило, зачем оно вообще мне нужно, начало снова колотиться в груди. Я облегченно вздохнула. Опустила глаза и только сейчас увидела охапку толстых веток под мышкой охотника.

– Оставайтесь до утра. А потом валите на все четыре. Голодные, наверно?

– Угу, – честно ответила я и улыбнулась.

«Тум!», – гулко раздалось в темноте. Мужчина с топором закатил глаза, обмяк и грохнулся на крыльцо прямо мне под ноги. Выпучив глаза я смотрела на его неподвижное тело. Подняла голову и уперлась взглядом в Тимофея с хорошей такой дубинкой в руке.

– Тиимоооофееееей! – зашипела я. – Ты что ж натворил!

– Он с топором стоял, – пожал плечами бородатый. – Я думал, напасть может...

– Да он нам остаться разрешил! А ты его... Оооой... Живой хоть? – присела на корточки рядом с распластанным по крыльцу охотником, нащупала пульс на сонной артерии. – Слава богу, не убил. Тащи его в дом теперь. Только аккуратно.

– Зачем в дом-то?! – испуганно спросил козёл. – Очнётся, убьёт ведь.

– Если ещё очнётся, – буркнула я, стрельнула глазами в мельника и прикрикнула. – Тим, тащи!

На помощь к нам поспешила и Дарёна. Я следила за тем, чтобы эти двое по пути ещё раз не саданули бедного Себастьяна обо что-нибудь. После мощного удара дубинкой, сотрясение – это меньшее, что ему грозило.

– Голову чуть на бок поверни. Посмотрю, что там с его затылком.

К счастью, ссадин, глубоких ран, я не заметила. Визуально череп охотника тоже опасений не вызывал. Небольшая

шишка и всё.

– Эээй, – позвала я его, легонько похлопав по щекам.

Друзья нависли сверху, со смесью любопытства и страха следили за происходящим.

– Может водой его облить? – предложил хряк.

– Может и облить. Только не его, – я снова зыркнула на Тимофея и строго посмотрела на зверей. – А вы двое, помалкивайте. Максимум: ты – хрю, ты – ме. Ясно?! Не хватало, чтобы этот узнал...

Оба послушно кивнули и тут же отпрянули назад к стене, когда мужчина зашевелился.

– Мммм, – мучительно простонал он, сморщился и потянулся рукой к затылку. – Что это...

– Здрааасти, – нервно улыбнулась я, когда человек открыл глаза и встретился со мной взглядом. – Как самочувствие?

– Сама-то как думаешь? – огрызнулся он и, прищурив глаза, посмотрел сперва на стоящую рядом Дарёну, затем на Тимофея, который для подстраховки держал в руке всё ту же дубинку. – Я так долго был в отключке или малыш и правда слишком быстро вырос? Положи дубину, варвар!

– Он не специально, – решила я заступиться за агрессора и объяснить возникшее недоразумение. – Тимофей увидел топор и решил, что нам угрожает опасность...

– А вам она и правда угрожает. Когда рядом такой осто-
лоп...

Мельник оскалился, крепче сжал дубину.

– Тимофеееей! – снова зашипела на него я.

– Дай сюда! – Дарёна схватила за дубину, принялась выдира́ть её из рук мужчины. – Да отдай ты!

Мельник сдался под натиском женской настойчивости, разжал пальцы, и Дарёна по инерции плюхнулась на пол, отшибла себе пятую точку и недовольно посмотрела на мельника. Мужчина подал руку обиженной рыжule, поднял её на ноги и демонстративно закатал рукава, покосившись на охотника. Мальчишки...

С сердитой гримасой на лице пострадавший начал подниматься на ноги. Покачулся.

– Осторожно, – мы с Дарёной, не сговариваясь, подхватили его с обеих сторон и, невзирая на протесты, помогли сесть на лавку. – После такой травмы возможно головокружение и тошнота. Есть что-то похожее?

– Есть. Только, боюсь, не из-за травмы... Вот ведь... Здорово приложил... Подкрасться умудрился незаметно.... Боров...

В углу недовольно хрюкнул Борис. Мужчина покосился на него и вид его стал ещё более сердитым.

– Ещё и хлев из моего дома сделали. Выведите этих отсюда, – он ткнул пальцем в перепуганных зверей, которые и молчали сейчас разве что от леденящего душу ужаса.

– Да как же их, на улицу-то... ? – испугалась Дарёна.

– В хлев, – пояснил мужчина. – Ну уж явно не в доме они ночевать будут. Догадались тоже... Ещё корову бы взяли с

собой...

Я хмыкнула, думая о том что ответила бы ему на это свое-
правная Лада.

– Держи, – протянула ему смоченную в холодной воде
ткань. – Приложи к голове.

Ещё раз зыркнув на меня исподлобья, он всё-таки при-
нял предложенную помощь. Тимофей тем временем вывел
упирающийся скот в специально отведённое помещение, где,
как оказалось, уже жила серая кобыла.

– Что-то, кажется, насчёт еды говорили? – Дарёна пока-
чалась на пятках и поводила бровями.

– Там всё, – охотник указал на шкаф и рыжая с готовно-
стью кивнула. – Котелок в камине.

«Бах!» – послышалось у шкафа. Дарёна стояла рядом, с
виноватым лицом, а перед ней на полу рассыпались глиня-
ные черепки, которые до знакомства с девушкой были, веро-
ятно, тарелкой.

– Иииизвини. Я постараюсь аккуратнее.

Охотника перекосило.

– Хороша компания. Одна, дурёха, считать не умеет, у
другой руки кривые, а третий, остолоп, дубиной машет без
разбору.

Я хотела было возмутиться в ответ на такое хамство, но
вовремя вспомнила, что мы в гостях и, при желании, этот
человек может просто вышвырнуть нас на улицу в глухую
ночь.

– Как тебя зовут? – спросила я, когда мужчина чуть ослабился после оплошности Дарёны.

– Тебе зачем?

– Ну должны же мы тебя как-то называть до утра.

– Не обязательно. Можете никак не называть.

– Это ведь простой вопрос. Обыкновенная вежливость.

– А вы за вежливостью сюда пришли? Что-то я не заметил.

– Так не скажешь?

– Ни вижу смысла.

– Ладно, – фыркнула я, выходя из себя от такой глупости. – Тогда я буду звать тебя Себастьян.

– Почему это Себастьян? – сдвинув брови спросил он. Я в ответ деланно пожала плечами. – Не скажешь?

– Не вижу смысла.

В глазах сверкнуло раздражение, но продолжать спор мужчина не стал.

Я ушла помогать Дарёне, пока Тимофей размещал и кормил зверей в их временном жилище. Себастьян копошился в одном из сундуков и периодически поглядывал на нас с рыжей, видимо, опасаясь, что мы снова можем что-то разбить.

После позднего ужина перловкой, навалилась такая усталость, что уснуть хотелось прямо сидя за столом. Хозяин поднялся, залез по лестнице куда-то на чердак. Дарёна наклонилась ко мне и испуганно шепнула на ухо.

– Он что, там спать собирается? На чердаке?

Я перевела на неё взгляд и цокнула.

– Даш! И ты туда же?!

Себастьян спустился почти сразу, сбросив на пол охапку каких-то шкур.

– Вот. Расстелите себе... Где хотите, – и равнодушно залез на кровать под потолком.

Наша троица решила, что у камина будет комфортнее всего. Мы набросали на пол шкур. Вытащили из той же кучи некое подобие простыни, которой можно было укрыться. Я замоталась в свой халат. И вместе улеглись на полу на импровизированной лежанке.

Было непривычно засыпать здесь. В маленьком доме, в глухом лесу, в гостях у незнакомого и, по-моему, немного странного человека. Тем не менее, едва моё тело оказалось в горизонтальном положении, мозг скомандовал спать.

Утро было молчаливым. Хозяин лачуги всем своим видом демонстрировал своё нежелание принимать гостей, а мы делали вид, что этого не замечаем. Наскоро позавтракав, решили выяснить у охотника, где мы находимся, поскольку бесцельно бродить по лесу в надежде найти других, более приветливых людей, желания не возникало.

Я вытащила из рюкзака карту, которая разве что чудом не промокла, развернула на столе и прижала концы глиняными стаканами.

– Вот. Отсюда мы вышли, – ткнула пальцем в том месте, где нас выпустил колючий лес.

Себастьян удивленно присвистнул.

– Неслабо вас помотало. А шли куда?

– Воооот сюда. К Зелёному холму.

Мужчина поднял глаза, прищурился, сдвинул брови и с недоверием переспросил:

– К Зелёному холму?

– Угу.

– И что ж вы там забыли? Там ведь нет ничего.

– А... Тетка там моя живёт. В лесу. Отшельницей. Вот к ней и направлялись.

Он ещё несколько секунд изучал меня взглядом. Не знаю, что хотел услышать. Не знаю, поверил ли, но только хмыкнул и покачал головой.

– Так что? – спросила я, прерывая затянувшееся молчание. – Скажешь, как нам вернуться к своему маршруту?

– А никак.

– Что значит...?!

– Знаешь, где вы сейчас? – он посмотрел на меня, потом снова на карту и повёл пальцем от Нюркиного Луга в противоположную от Зеленого холма сторону. – Воооооот здесь.

Палец остановился настолько далеко от нужной нам точки, насколько позволяли это размеры карты. Я расстроено выдохнула.

– Вот чёрт... Столько возвращаться...

– Ну это глупо. Куда проще пройти прямой дорогой, через деревни.

– Так... Это какой? – энтузиазм снова начинал разрастать-

ся во мне. Я уперлась локтями в стол и чуть приподнялась с готовностью слушать.

Охотник поднялся, вытащил из камина остывший уголёк и принялся чертить на карте линии.

– Отсюда пойдёте на север, вдоль реки. Потом, как дойдёте до излучины, свернёте чуть к западу. Там деревня будет, Сизая гора. К вечеру доберётесь. Ночлег найдёте и запасы пополните. А дальше по дороге не заблудитесь.

Из уст мужчины всё звучало просто. Даже слишком. Я мотала на ус и старалась запомнить каждое слово.

– Ага... К северу... К западу... Излучина, гора. Поняла. Дарёна и Тимофей забрали наших друзей из сарая. Как выяснилось, Борис успел подружиться с кобылой охотника и уходить желанием не горел. Но пришлось.

Вероятно, чтобы побыстрее спровадить нас, Себастьян даже небольшим количеством продуктов и воды нас обеспечил. Хмуρο посмотрел нам вслед и скрылся в доме, хлопнув дверью ещё до того, как мы покинули территорию его «усадыбы».

– Ну... В путь, – сказала я друзьям и мы вместе поволоклись к реке, предвкушая долгий путь до следующего населённого пункта...

Речку мы нашли быстро. Пробираясь сквозь заросли камыша, поочередно чертыхались. Подошвы наших ботинок явно не были предназначены для таких испытаний. Нужная нам излучина почему-то встретилась только сильно после

полудня. После чего, как и сказал Себастьян, свернули на запад.

– Да откуда здесь комаров-то столько?! – в очередной раз причитал Борис, ощетиниваясь. Он, в отличие от нас, даже не имел возможности отмахиваться. – Чувствую, похудею раза в два из-за этих кровососов.

– Хеее, – смеялся козёл, поскакивая рядом и радуясь, что через густую шерсть натиск жужжащей армии не наносил такой большой ущерб.

– Уииии! – снова раздался скрипучий голос хряка. – Очумел совсем?! Что творишь?!

– Что?! Я комаров от тебя отгоняю, – ответил Боян, выплёвывая прут, которым только что огрел друга по спине. – Вон какой жирный сидел. Больше тебя.

– Допрыгаешься! Сейчас Тимофею скажу, чтоб к дереву тебя привязал, да тут и оставил, чёрт рогатый!

– Вот и делай вам добро потом, – обиделся Боян и ускакал вперёд.

Солнце клонилось к закату, а деревни на горизонте не было. И, судя по тому, что лес становился гуще, идти нам предстояло долго. Может, потому что шли мы не то чтобы быстро, надежда дойти до деревни засветло таяла в опускающихся сумерках.

– Что-то мне подсказывает, что мы где-то свернули не туда, – сказал Борис, когда шеренга из путников остановилась

напротив дома.

Каменный фундамент. Бревенчатый сруб. Двускатная крыша. Длинная терраса вдоль всей передней стены. Масляный светильник...

– Да, – согласилась я. – Кажется, здесь мы уже проходили...

В дверях показался хозяин жилища. Увидев нас, дёрнулся. Оторопело посмотрел, потом скривился, будто от боли, и молча ушёл обратно в дом.

– Я смотрю, нам здесь рады, – снова хрюкнул свин и, мотнув хвостиком, побрёл к хлеву. Обернулся к нам. – Ну?! Чего встали? Идём заселяться.

Глава 12. «Выгодная сделка»

За окном снова разошёлся дождь. Кажется, туча из Гнилого угла, наконец, сменила место дислокации и решила поселиться над домиком охотника.

– Я же объяснил! – рычал на меня Себастьян, пока Дарёна и Тимофей устраивали и кормили зверей в хлеву. – Ну как можно было здесь запутаться?!

– Мы шли точно по твоим указаниям. Только нет на севере никакой излучины!

– Вчера была, а сегодня вдруг не стало?!

– А может ты сам забыл? Может она и не на севере вовсе?

– Так, – глубоко вздохнув, мужчина сложил руки на пояс. – А скажи-ка мне, где по-твоему север?

Я глупо улыбнулась. Тоже мне, нашёл навигатор.

– Сверху? – возникло в моём мозгу робкое предположение.

– То есть, вон там? – саркастично выгнув брови, он поднял вверх указательный палец. – Тогда не удивительно, почему вы заблудились. Хорошо, хоть не снизу.

– Тьфу ты. Ну если по карте смотреть, то сверху.

– А-ну, разворачивай.

Послушно вытащив из рюкзака карту, я развернула её и уверенно заявила:

– Вот. Если так смотреть, то сверху север.

– Ммм, – снова саркастичный взгляд и поджатые губы. – Ну, да будет тебе известно, чтобы север был сверху, карту надо держать правильно...

Он грубо вырвал из моих рук свёрток, перевернул его вверх тормашками и всунул обратно мне. Я начинала закипать от того, что меня незаслуженно считают идиоткой. В конце концов, в моем привычном мире мне ни разу не доводилось пользоваться картой, да ещё и в дремучем лесу.

– Знаешь, что...?!

– Что?

– Ничего! – фыркнув, я шлёпнула свёрток на стол и усеялась на лавку, сложив на груди руки.

Очевидно, моё душевное состояние не сильно беспокоило этого человека. Он равнодушно пошевелил кочергой дрова в камине, хотя огонь и без этого хорошо горел. Заглянул в котелок и отошёл к тому предмету мебели, который в первый наш визит напомнил мне шкаф.

– Нарисуй там себе стрелочками, где верх, а где – низ. Ещё не хватало и завтра терпеть всю вашу компанию.

Бывает вообще аллергия на хамство? Мне кажется, бывает. Потому что именно сейчас я чувствовала, как начинаю краснеть и раздуваться.

– Знаешь, что...?!

– Ну что? Что? – раздраженно ответил мужчина и повернулся ко мне. А в мою голову внезапно пришла мысль.

– А может ты нас проводишь?

Он подавил ироничный смешок, поставил кочергу на место, вытер руки от сажи.

– Думаешь, мне заняться больше нечем?!

– Ну подумай сам, – я вскочила, воодушевлённая своей идеей. – Вообще не факт, что мы снова не перепутаем направление...

– Тут согласен. Вряд ли остальные двое из твоей компании отличаются умом.

Проглотив очередную порцию грубости, я продолжила.

– Так вот, в лучшем случае, мы просто заблудимся. А в худшем... – я выждала эпичную паузу, подняла брови и ехидно улыбнулась. – В худшем – снова вернёмся сюда.

– Нееет, – сморщился он.

– Дааа! И будем возвращаться каждый вечер. Мы станем твоим кошмаром! Каждую ночь ты будешь слушать храп Тимофея! Каждое утро будешь просыпаться под грохот разбитой посуды, а провожая нас, слёзно надеяться, что мы не вернёмся. Но мы вернёмся! И будем возвращаться снова и снова, до тех пор, пока...

– Ладно! – рявкнул охотник. – Ладно! Чёрт с вами! Похоже и правда проще вывести вас к деревне, чем ещё хоть одну ночь терпеть. Всё равно теперь продукты надо обновить. Вашего борова прокормить никаких запасов не хватит.

Я победно улыбнулась, а Себастьян ещё сильнее скривился.

– Я бы на твоём месте не радовался. Спать вам остаётся

от силы часов пять. Я не собираюсь из-за вас тащиться до Сизой горы неделю. Выйдем до рассвета.

– Окей, – согласилась я, тут же исправив непривычный для этих мест сленг. – Договорились.

Охотник не обманул. Ещё затемно он сыграл нам «Пионерскую зорьку», стоя над нами и громко хлопнув в ладоши.

– Подъём, великое войско! Враг не дремлет!

– Мать мою волшебницу! – в испуге дернулась я.

– Какой такой мрак? – подскочила вместе со мной Дарёна и, увидев довольного своей выходкой Себастьяна, фыркнула. – Ааа, ясно.

Тимофей лениво перевернулся на другой бок. На него побудка повлияла не сильно. Разве что храпеть он стал чуть тише.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.